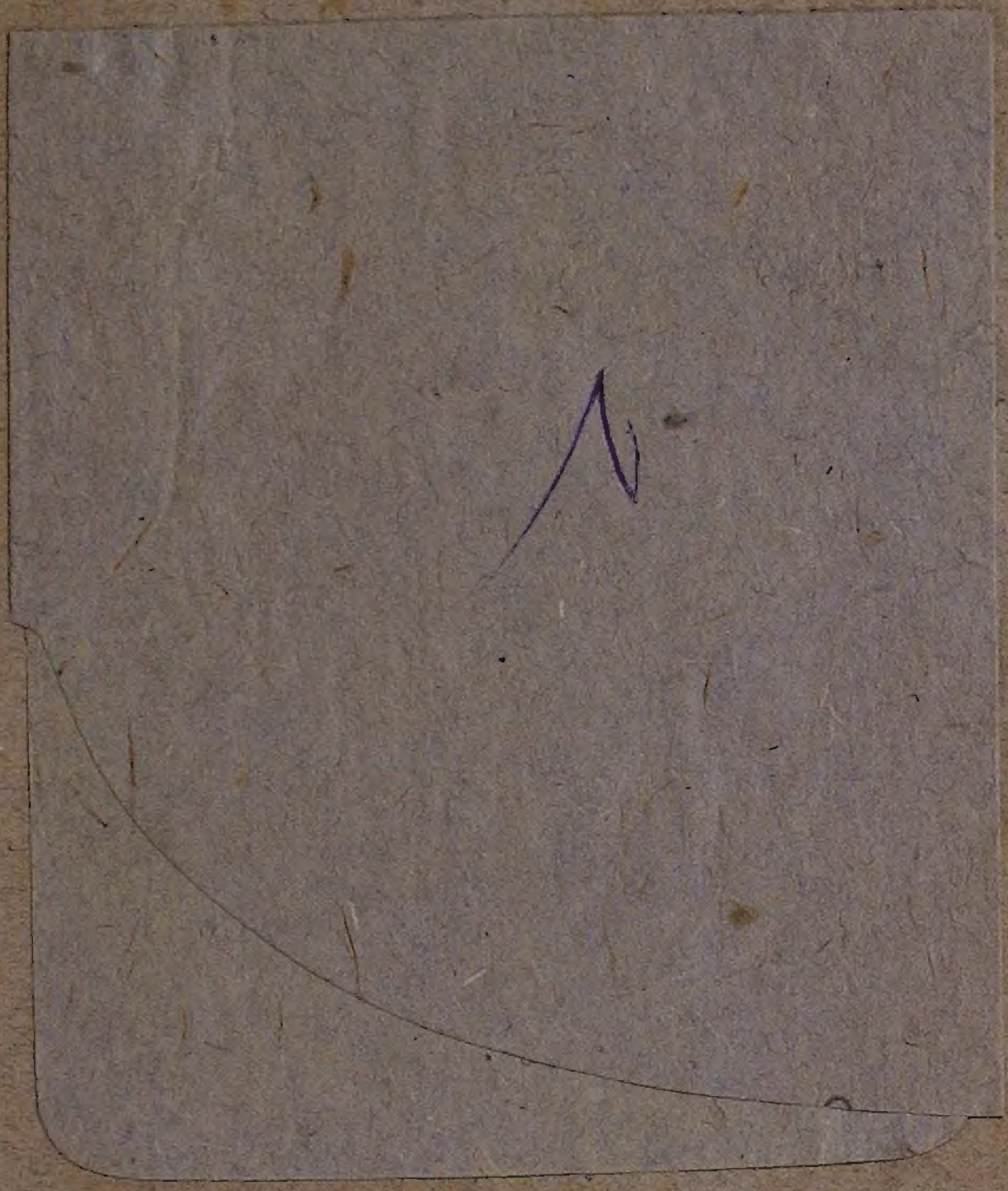
92
Г-394

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЧЕТВЕРКА

И. Д. ПАПАНИН
Э. Т. КРЕНКЕЛЬ
П. П. ШИРШОВ
Е. К. ФЕДОРОВ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

1938



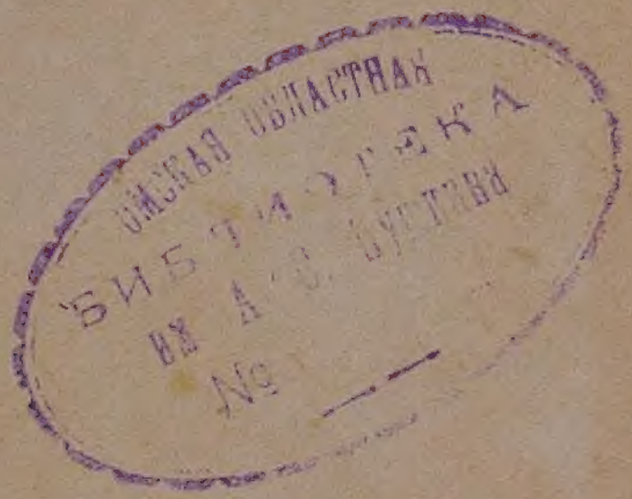
ролетарии всех стран, соединяйтесь!

92
Г-394

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЧЕТВЕРКА

И. Д. ПАПАНИН
Э. Т. КРЕНКЕЛЬ
П. П. ШИРШОВ
Е. К. ФЕДОРОВ

88028



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

Герои Советского Союза

И. И. ШИРШОВ, Э. Т. КРЕНКЕЛЬ, И. Д. ПАПАНИН и Е. К. ФЕДОРОВ

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНИН

Иван Дмитриевич Папанин родился в 1894 году в Севастополе, в семье матроса. Севастополь—город с большой и славной историей.

Припомним старый Севастополь. Корабельная сторона, или, как ее называют, „Корабушка“,—район рабочей, матросской, рыбацкой бедноты. Огромные серые флотские казармы... Рядом знаменитый Малахов курган, покрытый лесом. Памятники на бастионах. Здесь была знаменитая Севастопольская оборона 1854—55 года. Внизу, с обрыва—Южная бухта, корабли, катера, ялики... Вот в этом старом Севастополе и протекало детство Ивана Папанина. С ранних пор он лазил через заборы к матросам, рыбачил, часами болтался в воде, по ночам пробирался на кладбища проверять: выходят ли покойники из могил.

Перед глазами мальчишки прошел 1905 год. Неясные и малопонятные слухи об Одессе, Николаеве, громыхающее „ура“ с экипажеского флотского плаца... Крик: „Если умирать, так будем умирать не от рук драконов-офицеров, не от рук японцев, а пожертвуем жизнью за свободную Россию!..“ Черные матросские лавины скатывались с Корабельной стороны, пылал „Очаков“, в упор стреляли корабли. Город был полумертв. Что-то происходило со своими, близкими.

Паренек вырос здоровый, плечистый, грудастый. Роста среднего. Когда было отыграно положенное число конов в бабки, когда было отыграно в орлянку, когда пятками отсверкала

мальчишеская пора,—паренек спустился по лестнице—пост
пить на завод точных приборов лоции Черного моря, в м
ханическую мастерскую. Мастера любили пробовать нови
ков. „Тебя как звать?“—„Иван“.—„Возьми-ка, Ванька, в уг
пару заклепок“. А заклепки были прямо с горна, с н
едва красный жар сошел. Паренек взял заклепки. Вол
поднялся дыбом... Однако он не крикнул. Справился, сти
нув зубы, принес заклепки и положил. А сожженную ру
сунул в карман и стоял, будто с форсом.

Много поработал Ваня слесарем—и в Севастополе и в Р
веле на заводе Бекера. Было много ремонта сделано на лих
миноносцах Балтийской минной дивизии, которые, возвр
щаясь с похода, большим ходом влетали в гавань, несли б
рун за кормой и швартовались, лихо развернувшись „
пятке“.

В 1915 году Ваню „забрили“. У воинского начальни
доктор только ткнул один раз пальцем в ребра: „У-у, здор
вый...“ Пригнали обратно в Севастополь, в Черноморски
флотский экипаж. Кругом все знакомое насквозь. Леж
славный городок у моря, крыши красные, домики в зелен
Живи, радуйся! Но из казарм матросу выходить нельзя. Н
Приморском бульваре надпись: *„Матросам и собакам вх
воспрещается“*. И приказ адмирала Веселкина: „Снимать ф
ражки перед всеми торговцами...“

Шла империалистическая война. На глазах всего Севаст
поля погибал линейный корабль „Императрица Мария“. Вз
рвались пороховые погреба, огонь кинулся по кораблю, горе
дерево, краска, потом начал гореть металл. Пылающи
обезображенные люди прыгали прямо в бухту—в холодну
ноябрьскую воду. Царила растерянность. Вместо того чтоб
помочь, штабное и портовое начальство в испуге бежа
прочь. Командующий флотом адмирал Колчак в полной ра
терянности посылал зачем-то пожарных. Они, очевидно, на л
шадях должны были подъехать к кораблю, стоявшему в с
мой бухте. Громадный корабль пылал, кренился. Все рвалос
скрежетало... На берегу городовые оттоняли толпы людей
вытащенных страшных трупов. Обалделые санитары по пр
казанию начальства неизвестно зачем бинтовали мертвы

...Война велась преступно. Германский линейный крейсе
„Гебен“ подходил иногда вплотную к Севастополю. Врага н
умели толком ни обстрелять, ни включить ток в поля крепос
ных мин заграждения,—чтобы „Гебен“ взорвался.

Служба была угрюмая, беспросветная. Квитаться за в
начали 5 марта 1917 года. Почти на неделю Колчак задер

ал телеграмму о революции. Он обнаглел до того, что строил даже молебен. Прошелся по фронту, держа два пальца козырька: „Здорово, братцы!..“

Матросы рассвирепели. Десятитысячная масса их собралась на „Корабушке“ и закричала: „Подать Колчака!“ Ультиматум. Колчак должен был приехать. За ним заперли ворота и с ним серьезно поговорили. Среди говоривших был Иван Папанин.

Семнадцатый год шел со стремительной скоростью. Папанин поспевал на ялтинские и ливадийские дачи обыскивать членов царской династии, ходил в патрули, а в ноябре, по телеграмме Ленина, помчался в одном бушлате в отряде моряков-черноморцев на Корнилова. Бой начался за Белгородом, в снегах, в глубоких сугробах. Матросы проваливались по пояс в снег, чертыхались, тянули на себе орудия. Папанин шарил глазом, где корниловские пулеметы? Замечал пулемет и—„бух туда трехдюймового поросенка, смотришь—в момент отбивное-заливное“. Корниловский полк был окружен и ликвидирован.

Едва вернулся отряд в Севастополь, в Крыму выступили националисты—„эскадронцы“. Название было взято от эскадрона Крымского конного полка бывшей царицы Александры Федоровны.

Папанин кидался с бойцами в Феодосию, в Евпаторию. Создавались импровизированные бронеплощадки, и через весь Крым по январской стуже мотались семидесятиверстным ходом, сквозь ночь и ветер, матросские летучки, спасая советы.

Знаменитая была тревога в ночь с 11 на 12 января 1918 года, когда завыли все гудки и сирены Севастополя. „Эскадронцы“ подходили к городу. Поднялась вся масса рабочих и матросов. Железная дорога не смогла всех перебросить в бой—к Бахчисараю. Часть ринулась прямо по шпалам, по дороге—на врага! Белых „эскадронцев“ порвали в клочья.

Гудело Черное море, кавказский и румынский фронты. Уходили из Трапезунда последние транспорты. Пожары и взрывы шли вдоль берегов всей Анатолии. Меньшевики пытались взять Батум. Матросы высадили десант и держали Батум две недели. На Дону выступал генерал Каледин. На румынском фронте душил Балтийскую дивизию генерал Щербачев. Матросы с Дуная взывали о помощи. Немцы двигались на нашу страну... Папанин появлялся то тут, то там. Он бился на севере Крыма против немцев. Он уходил одним из последних, отстреливаясь. Он очутился в кольце, был отрезан. Но не сдался и ушел в подполье. Он вынырнул

ночью на своей „Корабушке“. Он держался там неуловимо
Группировал подрывников. Его искали, выслеживали. Вс
было бесполезно. Весной 1919 года Папанин вступил добро
вольцем в бригаду бронепоездов.

Сегодня—под Мариуполем, завтра—в Долгинцево, послезав
тра—к Щорсу под Бердичев. Работал и дрался споро, весело
Когда машинисты не выдерживали скорости, у регулятор
становился Ванюша. Когда брали какой-нибудь деникински
или петлюровский автомобиль, первым на нем с форсом выле
тал Папанин. Все местечко было в пыли. Сирена ревела какие
то дикие мелодии собственного сочинения Папанина.

Именно к этой поре, к осени 1919 года, относится и вы
движение Папанина на командно-политическую работу
Бригада бронепоездов после тяжелых боев, покалеченная, по
терявшая многих бойцов, стягивалась к Гомелю и Новозыб
кову. Бронепоезда надо было ремонтировать. Папанин зна
дело, в любой ремонтной мастерской был, как дома, с рабо
чими сходился с полуслова. И штаб XII армии назначи
Папанина начальником головных мастерских бронеуправлени
армии. Папанин тут славно поработал.

В начале 1920 года Красная Армия южного фронта, раз
громив Деникина, выходила к Черному морю. Здесь завязы
валась трудная борьба с бароном Врангелем. Белым удало
закрепиться в Крыму, получить от Антанты помощь и вно
начать операции, которые угрожали Донецкому бассейну
Дону, Кубани. В ту же пору молодая Советская республик
вела тяжелейшую войну и с панской Польшей. Все основны
силы были брошены на борьбу с белополяками. Врангел
пользуясь этим, готовился выйти на просторы Таврическо
губернии и сокрушить наш южный фронт.

В тылу у Врангеля действовали разрозненные партизан
ские отряды.

Папанин в то время был в городе Николаеве. За последни
год он приобрел командирский опыт, разбирался в военны
оперативных делах. Папанин упорно думал над тем, как п
мочь освободить Крым, как разбить армию Врангеля. Тяну
в родной Севастополь. Но как быть? Действовать с мор
было почти невозможно. В нашем распоряжении было тог
лишь несколько корявых шаланд. Основное ядро Черн
морского флота было затоплено еще летом 1918 года, в Нов
российске. Затопили флот потому, что не хотели отдава
свои корабли немцам и их наймитам.

Папанин упорно думал, как добраться до Крыма. В голо
моряка шевелились смелые идеи. Он пошел на прямой пров

изложил свои мысли прямо председателю Совета труда и обороны товарищу Ленину. Папанин сообщил, что „моряки Крым понимают“ и могут Врангелю „сделать разложение“.

Папанин был одним из тех, кому было поручено формировать кадры для Крымской повстанческой армии. Работа шла спешно. Папанин строго соблюдал секретность. Его люди (моряки) были в штатском, их никто не видел. Гулять он им разрешал ночью и только под своим присмотром—„на тринадцатом пути“. Именно сюда, подальше от глаз посторонних, поставил Папанин свой вагон, прибыв в Новороссийск.

Действовать было намечено из Новороссийска. Папанин осмотрел порт, все его уголки, пристани, мастерские. Порт был пустынный. Наши морские силы исчерпывались лишь несколькими крохотными пассажирскими катерами, на которых еще в мирное время за 5 копеек перевозили людей через бухту. На одном из заводов Папанин нашел старый ободранный паровой катер „Витязь“. Он явно не годился для того, чтобы итти в поход на 280 миль открытым морем да еще против всего белого флота. Папанин стоял, раздумывая, прикидывая, колупая ржавчину на просохшем днище катера. „Катер возьмем, на нем и пойдем“. Специалисты говорили, что это дело немыслимое. „А это наша забота. Делайте ремонт“. Завод „Судосталь“ заявил, что для ремонта катера потребуется почти месячный срок. А фронт не ждал. Папанин сказал представителям завода, что ремонт должен быть сделан в 48 часов и что он, сам бывший рабочий Ревельского судостроительного завода, может показать, как надо делать ремонт.

Завод в те поры был мертвый. По цехам слонялись какие-то люди. Свистел ветер в разбитые окна. Папанин стал собирать людей, шевелить... И начался аврал. Отлили для машины новые подшипники, сделали ветрогонку, перебрали донку, подающую воду в паровой котел, сделали протирку всех кранов, переборку золотников... Проверили цилиндры паровой машины, сделали чеканку всего корпуса, поставили латки в подводной части. Люди не спали. Работали, не отходя от катера. И к третьему дню работы катер был готов: маляры докрашивали трубу и проводили на ней последнюю полоску. Вместе с рабочими и инженерами Папанин на ходу делал и изобретения. Для того, чтобы небольшой рейдовый катер мог итти в Крым и вернуться обратно, нужно было взять достаточно топлива и умело загрузить им катер. Папанин распределил топливо, воду, балласт. Катер попробовали—он хорошо шел. И Папанин, довольный, сказал товарищам: „Ну вот, по-революционному нажали—дело вышло...“ Проверили—выяснилось,

что катер может итти с максимальным запасом в поход на 360 миль.

Папанин погрузил на катер своих двенадцать товарищей моряков, которые должны были поднять в Крыму, в тылу Врангеля, повстанческое движение. Папанин вместе со всеми грузил бомбы, винтовки, патроны, пулеметы, ленты к ним телефонные аппараты, кабель и литературу. Перед самым по ходом выяснилось, что нет морских карт. А может быт какие-нибудь вредители спрятали их... Папанин вырвал карт из учебника географии, где Черное море было „приблизи тельно“ нарисовано синей краской. Время не терпит, над итти!

У Папанина не было ни линейки, ни транспортира, ни цир куля. Всю штурманскую работу приходилось вести на-глазок В море был белый флот. Папанин двинулся на прорыв. Шл с испорченным компасом. Могли ошибиться и попасть прям в тогдашнюю базу белых—в Феодосию. Страха, колебани или сомнений не было. Почью Папанин подошел на „Витязе к маяку Чауда в тринадцати милях к востоку от Феодосии Компас подвел—катер был в самом расположении белых С берега катер заметили, запросили. Были очень напряжен ные минуты. Папанин хладнокровно повел катер обратно советским берегам. „Сегодня не вышло—завтра выйдет“. Папа нин пополнил в базе запасы и пошел вновь в следующую поч Он точно привел катер в Судакскую бухту, где и должна бы начаться высадка. Высадились во мраке, тихо, осторожно двинулись прямо в глубь Крыма.

Папанин действовал в Крыму. То в одном, то в другом ме сте стали пропадать белые заставы и караулы. На возду взлетела угольная шахта Бешуи. В горах появились наш партизанские отряды. Сюда стекались рабочие, бойцы больше вистского подполья, солдаты, дезертировавшие из армии Вра геля. К партизанам стало присоединяться татарское населени У Врангеля началось разложение. Обо всем надо было донест в ЦК и в Реввоенсовет южного фронта.

Командующий Крымской повстанческой армией решил п слать в центр со всеми бумагами Папанина. Ему нату пиже колена прибинтовали все материалы. Папанин простил с товарищами и ушел.

Путь его был долог, труден и опасен.

На берегу моря, почью, он влез на турецкую шху У него взяли все деньги, какие только у него были. Его з сунули в трюм, среди мешков с мукой. Захлопнули лю Во тьме, для верности, Папанин залез за стоявший тут

щик для кур. Насекомые—куриная вошь—начали переползать на человека. „Беспощадные эти куриные паразиты... ли насквозь". Белогвардейский таможенный осмотр сошел благополучно. Шхуна шла к берегам Турции. Предстояло туда пробираться в Советскую Россию.

В море турецкие контрабандисты начали обсуждать судьбу взятого ими пассажира. Решили, что его можно раздеть, зарезать и бросить за борт. Деньги от него были, повидимому, взяты все... Можно, впрочем, еще пощупать. Папанин был уже на палубе. Он вслушивался в разговор. Отдельные турецкие слова старый житель Крыма понимал. Папанин стал готовиться к бою. На него поглядывали. Он ждал. Жизнь подходила к концу. На счастье—бывает в жизни!—на шхуне остановился мотор. Папанин усмехнулся. Контрабандисты пробовали мотор исправить. Не вышло. Стали знаками показывать Папанину: понимает ли он в этом деле? Папанин прикинул, изобразил, что пока он—хозяин положения. Стал мотор налаживать. Работал так, чтоб глаз с контрабандистов не спускать. Стал понять, что мотор вовсе плох, никудышный, амба и что без него, русского моториста, мотор может опять стихнуть, и тогда их заберет охранное судно... А что в этих случаях бывает, они сами знают.

Так, наблюдая друг за другом, не трогая друг друга, но подозревая во всем, двигались к берегам Анатолии. Папанин внезапно вплавь кинулся на берег. Надо было пройти еще сотни верст до советской границы. Папанин вымазался в грязи, порвал на себе остатки платья и притворился глухонемым дервишем (нищим). Подвывая, кося глазами, выпрашивая подаяние, в рубище он шел к советской границе. Под коленом все было затянуто, почернело, пахло, но трогать до-время было нельзя. Могли застать в момент, когда нога перебинтована,—и тогда все пропало. Погибла бы целая армия.

Папанин через 21 сутки пришел к месту назначения и лично товарищу Фрунзе доложил обстановку. Это были дни, когда Фрунзе осуществлял последний удар против Врангеля. Папанину было дано новое задание—перебросить в Крым новую десантную группу и вместе с красными партизанами ударить по тылам белых.

Он взялся за новое поручение с необычайной энергией. Папанин подобрал испытанных моряков-добровольцев. План операции был таков: на трех кораблях выйти поздно вечером из Новороссийска и ночью высадиться там же, где была высадка „Витязя". С операцией приходилось торопиться.

С вечера весь Новороссийский порт был оцеплен часовыми.

Новый десантный отряд Папанина уходил в тайне. На мо
был шторм. Радиоаппаратура была скверная, и связь быст
оборвалась. Волны выбивали иллюминаторы... Десантный
рабль „Рион“ с пехотной группой стал топуть. Во мра
на ледяном ветру люди перепрыгивали на подошедший
борту второй корабль—„Шахин“. Командир „Риона“ не
тел уходить с корабля. Его силой стащили с мостика.
„Шахин“ не выдержал шторма и вернулся. В голове отря
на истребителе „МИ № 17“, преодолевая шторм, упорно ш
Папанин. Он шел вперед со своей верной ударной груп
моряков. Я был в этой группе.

На следующий день мы захватили белое судно „Три брат
С захваченного судна сняли шкипера. Было холодное, што
мовое, солнечное утро. Папанин сам вел допрос, выяснил
становку в Крыму, взял двух заложников и приказал двигать
к месту высадки.

Тут произошла беда. Пусковые приспособления у мотор
оказались неисправными. Восточный ветер подхватил кате
истребитель и понес его мимо берегов Крыма, туда, где ходи
корабли противника. Исправить моторы! За это взялся с
Папанин. Команда, готовая ко всему, спокойно ждала исхо
борьбы между Папаниным и американскими моторами. Бор
продолжалась целый день. Каждую минуту истребитель м
быть замечен. Люди готовились взорвать себя на возду
Ледяной ветер нес истребитель все дальше и дальше. Мото
капризничали, не работали. Папанин не унывал. Вместе
командой он стал сооружать парус. Хотелось пить. Весь зап
питьевой воды вышел. Людей мучила жажда... Парус пом
мало. Тогда вновь пошли к моторам. Над ними бились до
черней тьмы. И американская техника была покорена. Мото
взревели разом, истребитель рванулся к берегам белых. Пр
рвались сквозь белые дозоры и высадились.

Так Папанин перебросил вторую группу моряков-коммун
ров в Крым. Повстанческая армия разрослась уже до пя
полков. Белых били на каждом углу и повороте. С севе
Красная Армия наседала на Перекоп, Сиваш и Чонгар. Па
нин прошел с морским отрядом весь южный берег, вз
Алушту, взял пленных, освободил заключенных коммунаро
перешел горы и соединился с конницей Буденного и 51
„огневой“ бригадой Блюхера. За заслуги Папанин получ
боевой орден Красного знамени.

Прошли годы гражданской войны. Великая страна нача
новую полосу жизни. Папанин служил во флоте. Затем выпо
нял много ответственных поручений, участвовал в различны

кспедициях. На Алданских золотых приисках ставили радио-
танцию. Папанин вызвался работать на этом строительстве
сформировать охрану. Тянуло к новым делам, к смелым
редприятиям, к новым победам для нашей великой родины.
оехали. Поезд двигался от Москвы через Ярославль, Вятку.
Папанинцы ехали бывалые и верные друзья—моряки. На
аких только фронтах они не побывали в своей жизни, чего
олько не видели! И каждый этап пути—воспоминание. Вот
рославль, где бились летом 1918 года с изменником Пер-
уровым, поднявшим ярославскую белую банду офицеров, юн-
еров, купеческих сынков. Поезд равномерно идет на восток,
квозь леса, мимо черных пожарищ. В прошлое отходила ста-
ая Россия, лесные скиты, кержачина, изуверы... В лесах вы-
астали новые города. Строились новые советские заводы, на-
иналась новая жизнь на советской земле.

Папанин выполнил задание. Была построена радиостанция,
ыла обеспечена охрана золотых приисков. Жили по-походно-
ому, в глуши. В один из дней крик: „Тревога! Белобандиты!“
а радиостанцию налетело пятьдесят головорезов, унгернов-
ев. Все это—отпетая свирепая банда, остатки колчаковских
арательных отрядов, контрразведок. Их держала в найме
понская агентура для того, чтобы время от времени „про-
ушывать“ нашу охрану. У Папанина под рукой было десять
еловек. Он обозлился и вдребезги расшиб белую банду.

Потом вновь Москва. Тихая комната. Верный друг—жена
аля. Стопки книг на столе. И упорные, днем и ночью, за-
ятия. Папанин много плавал, воевал, путешествовал—читать
ыло некогда. По после всех экспедиций Папанин в Москве
ерепко и упорно взялся за учебу. Целые миры развернулись
ередним: тома истории, географии, политэкономии. Опыт
ероической борьбы с врагами народа освещался революцион-
ой теорией марксизма-ленинизма. Завоеванная свобода, за-
оеванные права реализовались!

Но на одном месте Папанину не сиделось. В 1931 году пере-
ет „Цеппелина“ через Арктику. Папанин на земле Франца-
Иосифа ведет приемку почты с „Цеппелина“ и вручает совет-
кую почту в дальний воздушный рейс. Тщательно изучает
рктику. Идет подбор людей на возникающие новые совет-
кие северные станции. Папанин отправляется туда как до-
роволец.

Арктика захватила, привязала к себе Папанина, в котором
ажда кипучей деятельности била через край.

Ознакомившись в бухте Тихой с научно-исследователь-
кой станцией, Папанин задумал смелый план—создать здесь

самую лучшую в мире северную станцию, образцовую поляр
ную обсерваторию, построить целый поселок со всеми необ
ходимыми условиями и удобствами для научной работы.

Слова у Папанина с делом не расходятся. И уже в следую
щий навигационный год Папанин снова на пароходе „Маль
гин“ везет имущество, строительные материалы и в крат
чайший срок создает великолепно оборудованную станци
с авиобазой и ангаром, ветряным двигателем, электроэнергией
телефоном. Впоследствии с восхищением рассказывали об это
советской станции зимовщики и зарубежные ученые, рабо
тавшие там.

Арктика тянет к себе. В 1934 году Иван Дмитриевич Папа
нин уже на мысе Челюскин, начальником зимовки. И здесь
под руководством неутомимого большевика, крепкого органи
затора, чудесного товарища, умеющего сплачивать вокру
себя коллектив и заражать кипучей энергией окружающих,
вместо одинокого домика вырос образцовый поселок.

Вот к этой-то поре и относится возникновение одного и
самых замечательных замыслов. Зимуя на мысе, Папанин
увидел целое поле многолетнего льда. Колоссальная льдина
сокрушая все на своем пути, шла мимо мыса. Папанин поду
мал: „Если на такой махине поставить домик, то можно дрей
фовать год, а может и два“. Папанин напористо взялся з
разработку своего плана. В долгие полярные ночи он прогла
тывал книги—книги об Арктике, книги о знаменитых аркти
ческих экспедициях, книги о тайнах Северного полюса.

Арктика! Целые века человеческая мысль шла на штур
загадок этого необъятного края. Здесь, в этом огромном по
лярном бассейне, скрещиваются льды, ветры, течения. Здес
возникают циклоны и антициклоны, влияющие на погод
Азии, Европы и Америки.

Здесь—тайны природы, тайны растительного и животног
мира, тайны магнитных бурь и северных сияний... Наконец
здесь—кратчайшие воздушные пути между Европой, Азие
и Америкой.

Люди тянулись в Арктику и к полюсу с самых давних вре
мен. Более двух тысяч лет тому назад, в 325 году до наше
эры, грек Пифей, двигаясь на север, достиг Шотландски
островов. Норманы и викинги проникали в Арктику. Одним
из первых были там и русские. Это были поморы. В XVI ве
на севере появились англичане. Экспедиция Виллоуби зи
мовала у мурманских берегов. На двух кораблях Виллоуб
люди поголовно погибли от цынги. третий корабль дости
Архангельска.

Попытки проникнуть в Арктику, к полюсу волновали мно-
путешественников, моряков и ученых. Исследователи
давали планы достижения полюса и по чистой воде и
шком. Во имя разгадки географических тайн земли многие
ельчаки готовы были итти на крайний риск.
В 1909 году американец Пири в сопровождении 19 эски-
сов, взяв с собой 28 саней и 140 собак, попытался достичь
люса. Он пришел в район полюса, но пробыл там лишь
сколько часов. Пири не провел никакой серьезной научной
боты. У него не было с собой набора инструментов, аппа-
туры. Его экспедиция носила спортивный характер.
В 1912 году на полюс двинулся русский полярный иссле-
ватель старший лейтенант флота Г. Я. Седов. До земли
ранца-Иосифа Седов двигался на судне „Святой Фока".
дов достиг после необычайно тяжелого и изнурительного
хода бухты Тихой. Тут все члены экспедиции заболели цын-
й. Несмотря на это, Седов 15 февраля 1914 года с двумя
тросами двинулся к полюсу на трех нартах, в которые
ли впряжены восемь собак. Смелые люди шли пешком.
ни превозмогали боль в опухших ногах. На седьмой день
есплодный Седов должен был слечь на нарты. Разбили
герь. Жестокие бури потрясали утлую палатку, в которой
прал Седов. Верные его спутники держали героя на ко-
ниях, обогревали его своим дыханием. Седов умер, не до-
игнув полюса.
Пытливая человеческая мысль выдвигала и иные пути
стижения полюса—пути воздушные. Во время первой воз-
шной экспедиции на воздушном шаре погиб со своими
утниками пилот Андрэ. Его завещанием было: „Мы будем
тать, как орлы, и ничто не сломит наших крыльев".
Первый самолет, который летал в арктических условиях,
л самолет русского летчика Нагурского. В 1914 году
берегов Новой Земли он искал пропавшую экспедицию
едова.
К полюсу по воздуху пытался долететь известный всему
иру полярный исследователь Роальд Амундсен. Он пред-
инял полет в 1925 году. На широте 87°44' он произвел
нужденную посадку. В 1926 году над полюсом промелькнул
ерикапец Бэрд. Никаких широких наблюдений, научных
абот он не мог сделать.
Затем в 1926 году над полюсом пролетел дирижабль
Норге" („Норвегия"), на котором находились Амундсен и
обиле. Дирижабль сделал только один круг над полюсом.

Вторая экспедиция Нобиле на дирижабле „Италия“ в 1928 го
кончилась страшной катастрофой.

Слава подлинного завоевания Северного полюса достала
советским людям. Мечта моряка Ивана Папанина, зароди
шаяся во время его зимовок в Арктике, встретилась и братс
соединилась с мечтой замечательного советского летчи
М. Водопьянова. Так же, как и Папанин, Водопьянов мно
лет работал над идеей покорения Северного полюса.

Папанин был убежден в том, что „можно сесть на льдин
жить на ней и путешествовать хоть год, хоть два“. Это бы
смелейшая мысль, которую до Папанина не рискнул выдв
нуть ни один из арктических исследователей мира.

Водопьянов же был первым, который выдвинул идею во
душного десанта на полюс.

Папанин в 1935 году доверил свой замысел О. Ю. Шмидт
„Прошу разрешить дрейф. У меня есть кое-какой опы
подберем людей и работу выполним“. Внимание и забо
советского правительства и наша высокая техника обесп
чили осуществление смелых планов Папанина и Водопьяно

Товарищ Сталин, наше правительство утвердили прое
зимовки на Северном полюсе, и работа началась. За де
взялся Папанин—большевик, закаленный в боях. Он ст
новился все универсальнее. Изучил астрономию, штурма
ское дело, радиодело, кулинарию, основы медицины. Изобр
тал полярное снаряжение, реформировал полярную обмунд
ровку, массу читал, кропотливо изучал и проверял экспедиц
Амундсена, Скотта, Шекльтона, Нансена...

Он работал уверенно, упорно, целеустремленно. Он чет
без промаха, сноровисто и весело выполнял порученное де
Добрался до острова Рудольфа, построил новую северну
базу, завез туда тракторы, самолеты, сидел над планам
новых экспедиций.

Советская авиация, опирающаяся на могучую передову
технику, совершила то, что было заветной мечтой челов
чества,—храбрые, мужественные советские патриоты завоева
Северный полюс. Они показали еще раз всему миру, на как
подвиги способен советский человек, гражданин велик
страны победившего социализма.

И вот Папанин—начальник небывалой зимовки, начальн
станции на советском Северном полюсе. Он пришел туда к
хозяин, смело, уверенно.

К полюсу, в неизведанную Арктику, ходили многие,
никто не дал доказательств государственного, практическо
научного владения полюсом. Это дал русский матрос, комм

ист Иван Папанин. Уходя в полет, он сказал мне: „Беру
печатку с собой, так что с полюса будут даже удостовере-
ния по всей форме“...

Он расположился на новой точке советских владений по-
зяйски, основательно. Он сидел „выше всех на земле“,
ак ему поручила партия, и был занят разгадками мировых
аучных задач.

Он работал не один, а со своими товарищами Кренкелем,
Ширшовым и Федоровым, работал так же дружно и упорно,
ак некогда действовал в Крыму, на Украине, на Черном
оре.

Четверка отважных завоевателей Северного полюса иссле-
довала глубины Ледовитого океана, определяла течения по-
лярного бассейна, разгадывала загадки природы, не исследо-
ванные и не разгаданные до сих пор никем в мире.

Ценнейший научный материал дрейфующей станции яв-
ляется громадным вкладом в советскую и мировую науку,
развивающуюся на благо всем народам нашей счастливой
родины, на благо всему прогрессивному человечеству.

Отважные завоеватели Северного полюса выполняли огром-
ное дело, ни на минуту не отрываясь от жизни великого
советского народа.

Радио связывало их с Советской страной, они разгова-
ривали с миллионами людей, передавали свои научные набл
дения, рассказывали о своей работе и жизни.

Радио передавало им все события нашей советской жизни.

Вместе с нами они как бы присутствовали на Красной
площади в день 20-й годовщины Великой социалистической
революции. Подъем чувств оторвал их от радио, стремление
действовать, говорить вывело их „на улицу“. Они слушали
речь Папанина под развевающимися двумя знаменами—флагом
Советской страны и знаменем с портретом творца Конститу-
ции великого Сталина. Троекратным залпом из винтовок,
приветствием великой годовщины закончился митинг на Се-
верном полюсе. А вечером после ужина, когда за дверями
палатки бушевала пурга и порывистый ветер хотел смести
с ледяных просторов вторгшихся завоевателей, далеко за
полночь вел рассказ Папанин о великих боевых днях гра-
жданской войны, о величии советского народа, о могучей,
непобедимой силе партии Ленина—Сталина, которые здесь
в лице четырех зимовщиков противостояли стихийным силам
природы и укрощали их.

Папанинцы вместе со всем советским народом готови-
лись к выборам в Верховный Совет, изучали Сталинскую

Конституцию, жили теми же высокими чувствами любви и преданности к родине, партии и вождю народов великому Сталину, которыми жил весь стосемидесятимиллионный народ Советского Союза в исторические дни выборов в Верховный Совет.

В нем, в великом, бессмертном народе, в своей могучей родине, в славной большевистской партии и ее вожде великом Сталине черпали силы завоеватели Северного полюса, борясь со стихийными силами арктической природы, прокладывая путь советским самолетам по Сталинской трассе.

Советский народ с напряженным вниманием следил за четверкой отважных, которые несли свою почетную вахту на дрейфующей льдине. Любовью, заботой и тревогой были полны письма советских людей, когда нависла опасность у берегов Гренландии. Но отвагой, смелостью, упорством звучали голоса четырех зимовщиков.

Только люди Советской страны, выращенные партией Ленина—Сталина, связанные всей своей жизнью с делом борьбы за победу социализма, верные и преданные до конца своей жизни великому Сталину, могут с такой твердостью, упорством и уверенностью в победе бороться в труднейших условиях, бороться и побеждать.

И советский народ, выбирая лучших людей в Верховный Совет, избрал всю героическую четверку завоевателей Северного полюса депутатами в Верховный Совет СССР. Они своей жизнью и борьбой доказали безграничную преданность советской родине, делу партии Ленина—Сталина.

Товарищ Папанин заверил своих избирателей:

„Как сын трудового народа, воспитанный партией Ленина—Сталина, я приложу все силы, а если нужно, то и жизни отдам, чтобы оправдать с честью доверие моих избирателей.

Вся моя жизнь связана с Октябрьской революцией. Я как красногвардеец, красный партизан с первых дней Октябрьской революции с оружием в руках прошел всю гражданскую войну, отвоевывая счастье трудящимся.

После гражданской войны до сегодняшнего дня, куда бы только партия ни посылала меня на работу, я всюду работал искренне, как преданный солдат революции. Сейчас я работаю в труднейших условиях на дрейфующей льдине по изучению Северного Ледовитого океана. И здесь я вместе со своими товарищами прикладываю все силы, чтобы с честью выполнить ответственную задачу партии, правительства, инициатора завоевания Советского полюса любимого товарища Сталина“.

Весь мир следил за Папаниным и его товарищами на льдине „Северный полюс“. Ни штормы, ни скалы Гренландии, ни трещины и валы торосов, ни медведи—не заставили большевиков-полярников хоть на минуту отказаться от работы. Они работали хладнокровно, четко до последней минуты, пока 19 февраля 1938 года почти к самой льдине не подошли ледоколы „Таймыр“ и „Мурман“... Вся страна, весь мир приветствовали возвращение смельчаков.

Папанин и его товарищи показали блестящий пример героической работы. Пусть этот пример служит образцом миллионам советских людей!

88028

БОРИС ГАЛИН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЭРНСТ ТЕОДОРОВИЧ КРЕНКЕЛЬ

I

Товарищи, друзья по зимовкам прозвали Эрнста Кренкеля жизнерадостным фантазером. В туманное предвесеннее утро мы увидели Эрнста Кренкеля на Московском аэродроме. Вот он стоит перед глазами: высокий, рослый радист, с открытым, решительным лицом. Запоминается взгляд его: умный, веселый, с оттенком иронии.

Тяжелые, многомоторные самолеты готовились к старту, к отлету на Север, к полюсу. Одетый во все кожаное, в башмаках с тройной подошвой, Эрнст Кренкель терпеливо вышагивал большими шагами по снежному полю. У самолета Молокова Эрнст тепло и нежно распрощался с женой, просил ее беречь себя и весь колхоз, как он шутливо называет свою семью.

Самолеты поднялись в воздух, взяли курс на север. С ними улетел Эрнст Кренкель.

Это была его десятая зимовка.

История жизни Эрнста Кренкеля полна суровой романтики, неустанной борьбы с природой. Характер большевика Кренкеля оттачивался в Арктике, воспитывался и закалялся в рядах партии Ленина—Сталина, которая окрылила и вдохновила на подвиги скромного, благородного человека, мужественного сына своей родины.

Год рождения Эрнста Кренкеля—1903.

„Если кому-нибудь интересно мое детство,—рассказывает о себе Кренкель,—пусть он представит себе городского мальчика из бедной, но интеллигентной семьи, снимающего вече

ром для сохранности гимназический мундирчик и надевающего заплатанные штаны и поношенную куртку; футболиста, домашнего электротехника, постоянно пережигающего электролампочки во всем доме; завзятого читателя Джека Лондона, мечтающего о мужественных приключениях, скучающего среди домашней экономной жизни и обещающего себе построить собственную жизнь иначе".

Эту жизнь свою он создал на советской социалистической земле. Мечты юноши были реализованы в стране социализма, раскрывающей таланты и стремления человека.

Имя Эрнста Кренкеля известно всей стране, известно радиолюбителям всего земного шара. В дни челюскинской эпопеи Кренкель сказал о себе: „Я горжусь тем, что я советский радист". Это законная гордость человека, который так много сделал и еще сделает для развития радиосвязи в нашей стране.

Замечательный радист, он обогатил связь смелыми начинаниями, богатейшим опытом. Эрнст Кренкель—новатор; он первый применил в Арктике новинку радиотехники—короткие волны. Осенью 1926 года Кренкель впервые услышал о появлении в радиотехнике коротких волн. Он решил испытать их на Севере. Ознакомившись с аппаратурой, он уверял своих товарищей, что при помощи маленькой радиостанции можно будет из Арктики связаться с Москвой и Ленинградом. Над ним смеялись, но упорный радист стоял на своем.

В 1927 году на гидрографическом судне „Таймыр" Кренкель добрался до Новой Земли, установил там коротковолновый передатчик. Энергичный, упорный радист, блестяще знающий технику дела, он добился своего: связался на коротких волнах с Баку, затем с Москвой, Ленинградом. У него завелись знакомые коротковолновики в Лондоне, в Париже, в Мосуле. Радиоустановка Эрнста Кренкеля была первой коротковолновой в Арктике.

Сила Кренкеля как радиста в том, что он никогда не останавливается на достигнутом, неустанно совершенствует свои знания. Полярники знают: там, где Кренкель, там все будет в порядке, Кренкель наладит связь с материком.

Так было и в дни гибели „Челюскина". Высадившись на лед, Кренкель в тяжелейших условиях наладил связь с землей, с родиной, которая с неослабеваемым вниманием следила за челюскинцами. Радиоаппаратура на льдине находилась в плохих условиях и, по словам Кренкеля, „иногда пыталась бастовать". Обыкновенные приборы с трудом выдерживали суровые арктические испытания.

Но еще большие испытания своим знаниям, своему мужеству встретил Кренкель. Он держал генеральный экзамен как радист и выдержал его блестяще. 9 апреля, когда Кренкель стал по расписанию работать с Ваикаремом, на лагерь надвигался ледяной вал, грозивший радиомачте. Кренкелю тревожно сказали:

— Кончай скорее работать!

Позднее Кренкель рассказывал: ледяной вал надвигался все ближе и ближе, хотелось выскочить из палатки, рука на ключе имела поползновение нервничать. Усилием воли Эрнст заставил себя успокоиться, чтобы Ваикарем не догадался по его нервной работе, что в лагере не все благополучно.

Он выскочил из палатки, когда мачту вдавило уже в воду. Кренкель и его товарищ подхватили радиомачту, унесли ее в надежное место.

С каждой новой зимовкой, с каждым новым походом в Арктику Кренкель совершенствовался как радист, закалялся как большевик.

II

В 1935 году Эрнст Кренкель зимовал на Северной Земле. Это была его очередная зимовка.

...Весной медленно исчезал сумрак. Серые однообразные краски иногда сменялись розовыми нежными и робко полыхавшими у горизонта зарницами. Это были предвестники хороших весенних дней. В такие минуты все окружающее принимало иной вид. Казалось, что весельем охвачены не только два человека, зимовавших в маленькой бревенчатой хижине, но и собаки, и кошка, и небо, и суровая Северная Земля, на которой поселились люди.

Кренкель двигался с шумом по узкой комнатенке, тормошил молчаливого механика, точно будил его от зимней спячки, свистел, пел басом веселые, озорные песни. Да, дело шло к весне.

Однажды в полдень он получил долгожданный запрос по радио. С ним говорила Москва. Старый друг, старый полярный волк Папанин, Иван Дмитриевич, спросил Эрнста Кренкеля: можно ли шить для него полярное обмундирование по размерам одежды, находящейся в Москве?

Вот и все. Коротко и ясно. Можно ли шить полярное обмундирование по размерам старой одежды? Кренкель чуть не задохнулся от радости, от внезапно обрушившегося счастья...

Какой может быть разговор?!—Конечно шить, обязательно шить, и как можно скорее, полярное обмундирование по размерам старой одежды, находящейся в Москве, в Харитоньевском переулке, дом № 12, квартира 8, четвертый этаж!..

— Мы летим на Северный полюс. Мы зимуем на Северном полюсе,—гремел его бас в маленькой, тесной, с низким потолком зимовке.

Если Папанин запросил его об одежде, значит все в порядке: вопрос о зимовке на полюсе решен.

С этого дня, что ни делал Кренкель, все принимало иной смысл: все оценивалось с точки зрения будущей зимовки. Мысленно он рисовал себе огромное безмолвное ледяное поле, однообразное, сливающееся с небом. Он с живостью представлял себе палатку, в которой они будут жить, дружную работу, долгие и трудные дни и ночи, вести с Большой Земли...

Зимовать на Северном полюсе! От одной этой мысли захватывало дух. Требовались большие усилия, чтобы попрежнему проводить метеорологические наблюдения, готовить обед (он был и поваром), печь хлеб, стирать белье, добывать в сарае уголь, смерзшийся в крепкий пласт...

Механика, с которым он зимовал, Эрнст Кренкель очень любил и уважал. Это был замечательный товарищ, настоящий работяга, умный и скромный. Но Коля был молчалив. Человек большой душевной красоты, он все отлично понимал, но, не умея высказывать свои чувства, молча слушал планы Кренкеля о зимовке на Северном полюсе.

Вскоре Папанин сделал Кренкелю запрос по радио, предложил прислать замечания и пожелания по сборке специальной радиоаппаратуры для полярной экспедиции. Запрос был дан в завуалированной форме, и Кренкель так же осторожно ответил.

Первого мая он получил приветственную радиотелеграмму за тремя подписями: Папанина, Ширшова и магнитолога Федорова. И Кренкель понял, что подготовка к экспедиции идет полным ходом.

Он закружил по комнате—большой, веселый, шумный. Казалось, он разнесет стены. В тот же день он занес в дневник, что „все население острова покинуло зимовку, вышло на воздух".

Все население—это были Кренкель и механик Коля. Они побрились, почистились и четким шагом, плечом к плечу, так, как идут в строю и на демонстрации, прошлись мимо засыпанного снегом домика.

Затем Коля остановился, а Кренкель сделал шаг вперед. Вид у него был взволнованный, торжественный. Чуть приподнятым тоном он произнес краткую речь о людях, которые вдали от родины, в местах пустынных и диких живут тем же чувством, каким живет сейчас Москва, Красная площадь,— чувством родины.

Он поздравил себя и Колю с наступлением великого праздника трудящихся, затем дал знак к салюту. Троекратный залп разбудил вечную тишину этих мест. Эхо загрохотало. Потом все стихло. Суровая земля снова была охвачена безмолвием.

III

Так жили и трудились два советских человека на маленьком пустынном острове. Рабочий день у них был строго размерен—в нем не было пауз, пустот. Все было заполнено трудом.

Во льду, недалеко от зимовки, была сделана прорубь. Здесь они брали пробы воды, определяли течение. От нежного дневного света лед блестел, как хрусталь. Однажды, когда Эрнст дежурил, в черной проруби вдруг заплескалась вода, и он увидел нерпу.

„Несколько минут я стоял без движения с наганом наготове,—занес Кренкель в дневник.—Охота кончилась удачно. Нерпа была тяжело ранена и вытащена в палатку. При вытаскивании нерпы я обронил в прорубь свой наган. Очень жаль оружия".

Во всех своих скитаниях и зимовках в Арктике Эрнст никогда не расставался с оружием и книгами. И то и другое были его необходимыми спутниками.

Когда-то, в дни юности, он увлекался Джеком Лондоном и О. Генри. Смелые, бесстрашные люди, описанные Лондоном, навсегда поразили его воображение. И хотя он по-прежнему питал к героям этих книг теплую привязанность, многое из того, что он читал, блекло и тускнело под влиянием собственных переживаний и жизненного опыта, который он накапливал в своих странствованиях по Северу.

От отца—маленького, тщедушного учителя—Эрнст воспринял беспокойную жилку, тягу к фантастическим путешествиям. Отец был веселым, живчивым человеком. Всегда он что-то выдумывал, строил разнообразные, легкие, как дым, как мечта, планы. Больной, прикованный к постели, он изучал испанский язык и рвался куда-то на далекие

строва. В бреду он звал с собой сына, горячо и страстно
говаривал юного Эрнста бросить все, рисовал перед ним
релести дальних путешествий и великих открытий.

Белокурый высокий юноша слушал эти рассказы, как заво-
оженный; он готов был в любую минуту окунуться в ска-
очный мир путешествий.

Двадцати лет, долговязым, восторженным парнем, он до-
лся своего и уехал на Новую Землю. Уехал налегке, с не-
ольшой связкой книг, в которых каждая страница дышала
омантикой.

Наконец-то он увидел и почувствовал, что такое настоящая
рктика. С романтикой и без романтики. С трудностями,
озникающими на каждом шагу.

Человек раскрывается на Севере полностью. Здесь ничего
ельзя утаить.

В дневник Эрнст занес следующую запись: „Лучше всего
еловек познается в Арктике. И вот именно это общение
а самых твердых основах делает все личные связи и зна-
омства в Арктике особенно глубокими и серьезными".

Он был радистом, мыл полы, пилил снег (для приготовле-
ия воды), топил печи, охотился, подшивал радиограммы,
зучал политграмоту.

Он заражал своей неуемной фантазией, вносил в самую
рудную будничную работу элементы веселья, бодрой про-
ии и настоящей коллективной дружбы. Замечал он сам
ли не замечал, но с каждым месяцем зимовки накаплива-
ись такие черты, которые обогащали характер и внутренний
ир широкоплечего, на вид будто легкомысленного, молодого
еловека.

Сколько раз позднее он давал жене обещание осесть на
ольшой Земле, покончить с путешествиями и зимовками!
о вовсе не так легко рвать с Арктикой. Точно птица по
есне, улетающая на старые земли, он после короткого пре-
ывания на материке вновь возвращался на Север.

1930 год Кренкель провел на Земле Франца-Иосифа. Зи-
овка была небольшой по составу—всего 7 человек. Жили
ружно, хорошо, за исключением одного товарища, который
ижело переживал разлуку со своей молодой женой. Он
сем изрядно надоел своими вздохами и задумчивым видом,
товарищи делали все, чтобы развлечь его.

12 января 1930 года Кренкель отстучал обычную метео-
рамму и дал сигнал: „Всем, всем, всем". Он щупал эфир,
рогулялся по разным волнам и просил отвечать ему на
олне 42 метра.

Вдруг он услышал: кто-то долго и упорно зовет ег
Швед, норвежец, англичанин? Но это был американец. Неи
вестный радист спросил Крепкеля, где он находится? Кре
кель коротко, по-английски, ответил: на советской зимовк
на Земле Франца-Иосифа.

Короткая пауза. Затем восторженный ответ: „Дороги
друзья, очевидно, мы покрыли этой связью рекорд дальност
так как мы являемся базой американской экспедиции адм
рала Берда в районе Южного полюса".

Они завязали длинный, дружеский разговор.

Крепкель сообщил американцу, что на Земле Франц
Иосифа сейчас полярная ночь, зимует 7 человек, холодн
Американец сказал, что у них на Южном полюсе сейча
полярный день, два градуса тепла, пасмурно, зимует 42 ч
ловека.

Вначале разговор шел на английском языке. Пока бесе
ограничивалась общими, наиболее употребительными фразам
Эрнст быстро справлялся с ответами. В дальнейшем, ког
дело дошло до деталей, ему стало трудно подбирать англи
ские слова. Поэтому он спросил американца:

— Не владеете ли вы каким-либо другим языком?

Американец ответил:

— Я владею немецким языком.

Стали разговаривать на немецком языке. Немецким Эрн
владел в совершенстве. Но оказалось, что американский р
дист владеет немецким языком хуже, чем Крепкель англи
ским, и, в конце концов, беседа велась на смешанном немецк
английском.

Эрнст и американец сговорились назавтра встретить
в эфире. И, действительно, на следующий день удалось опя
установить связь.

В первый день они разговаривали полтора часа, в
второй—час. Слышимость с обеих сторон была очен
хорошая. По 9-балльной оценке они слышали друг дру
на 6—7 баллов. Затем они потеряли друг друга, связь бы
прервана.

Эрнст часто разговаривал с Норвегией. Летом он поймал
в эфире город Тромсе. Ему сказали, что в окрестност
города сейчас в полном разгаре праздник. Парни и девуш
прыгают через костры, танцуют, поют, влюбляются, ц
луются. Королевой праздника избрана замечательная бло
динка, которая шлет привет семерым отшельникам на зем
Франца-Иосифа.

Эрнст послал ей ответный привет.

IV

Эрнст Кренкель был активным участником легендарного, ероического похода „Челюскина“. Это была восьмая вы-дзка Кренкеля в Арктику. Сигнала бедствия—„SOS“—Кренкель ни разу не послал в эфир. До последней минуты он е покидал радиорубки, сообщал родине о положении корабля, разбушевавшейся стихии. Эрнст был напряжен, но спокоен деловит. Он лишь попросил: за шесть минут до погружения Челюскина“ постучать ему в радиорубку.

Захватив радиоаппаратуру, Кренкель одним из последних окинул сжимаемый льдами корабль.

И одним из последних он покинул льдину, лагерь Шмидта.

Узнав, что в ученых кругах широко дискутируется вопрос об экспедиции на Северный полюс, Эрнст Кренкель отчас загорелся этой смелой идеей.

Ничего определенного еще не было.

Эрнст уезжал в очередную зимовку. В день отъезда он друг подумал, что его могут забыть и экспедиция состоится без него. На всякий случай он написал заявление, в котором бедительно просил считать его первым кандидатом для участия в экспедиции на Северный полюс.

С Папанина Эрнст взял слово, что в случае полета на еверный полюс он будет включен в состав экспедиции.

В конце августа 1935 года ледокол „Сибиряков“ достиг Северной Земли. Зимовщики высадились на мысе Оловянном. ачальником был Кренкель. Вместе с зимовщиками на берег ошли две овчарки и котенок, увезенный Кренкелем из Архангельска,—рыжий „Мурка“.

Дом был площадью в 40 квадратных метров. Половину его анимали кухня и двухъярусная спальня. На другой половине асположились научная часть и радиостанция.

День за днем полярники вели наблюдения за режимом рилива и отлива и течений в проливе. Трудовой день был плотненный. Кренкель не давал никому скучать. „К сведению москвичей,—шутливо сообщил он однажды жене,—меняем ило шоколада на кило картошки или огурцов, при условии оставки их на остров средствами москвичей“.

Какие замечательные письма он писал с мыса Оловянного воим детям—Ире и Люсе! В них раскрывается характер того мужественного человека, для которого работа в Арктике учеба ребят—вещи одного порядка: надо всегда стараться аботать как можно лучше!

Вот отрывки из этих писем:

„Дорогая Ирочка!

Я хочу тебе рассказать, как мы провели 4 сентябр
1935 года...

В это время года здесь солнце заходит за горизон
лишь на несколько часов, поэтому настоящей темноты
настоящей ночи не было. Мы пользовались этим и работал
круглые сутки. Работа прекращалась только для того, чтоб
поесть и поспать. Можешь себе представить, как крепк
мы спали!..

Несмотря на такой крепкий сон, все же мы проснулис
от необычно громкого, отчаянного лая всех двенадцат
собак. По московскому времени было всего лишь два час
ночи, но уже светило солнце. День был замечательны
хороший, ясный, но морозный. Ругая собак, я и механи
быстро оделись и вышли на крыльцо. С нашего крыльц
открывается замечательный вид на юг. Прекрасно видна во
бухточка, на берегу которой стоит наш дом. На друго
берегу бухты удирали от собак три белых медведя. Нечег
было думать о том, чтобы их догнать. Вокруг бухты
чересчур далеко, а если спустить шлюпку и направиться
к медведям водой, поперек бухты, то пройдет столь
времени, что медведи все равно удерут.

Оставалось одно: стрелять прямо с крыльца. Быстр
нашли два ящика для того, чтобы увереннее целиться
винтовкой, и начали стрельбу. Конечно, с первого выстрел
мы не попали. Во-первых, расстояние было большое, окол
400 метров, и, во-вторых, белый медведь, несмотря н
свою неуклюжесть, очень быстро и ловко бегает. Собак
его с трудом догоняют.

После нескольких выстрелов вся группа медведей оста
новилась. Я взял бинокль, чтобы лучше рассмотреть в че
дело. Оказалось, что мы ранили одного из двух медведе
Медвежонок не мог дальше бежать, и медведица встрево
женно хлопотала около него, подталкивала его мордо
настойчиво приглашала бежать от собак и выстрелов. М
прекратили стрельбу, так как знали, что теперь медвед
не убегут. Медведица никогда не покидает раненного ил
даже убитого медвежонка.

Нам было жаль убивать таких красивых зверей, но м
должны были запастись мясом, собачьим кормом на долгу
четырехмесячную полярную ночь...

Вот видишь, как интересно мы провели этот день.

...В сентябре я вернусь в Москву. Уверен и надеюс

что ты порадуешь меня своими успехами в школе. Ты расскажешь мне о твоих школьных делах, а я о своей зимовке.

Надо всегда стараться работать как можно лучше. Ты работаешь в школе, а я в Арктике. Никакой разницы тут нет.

Имею к тебе большую просьбу. Я знаю, что ты очень занята, но все же очень прошу заниматься музыкой. Разучи для меня, к моему приезду, несколько хороших вещичек.

Крепко тебя целую. *Эрнст*".

Маленькой Люсе он писал:

„Ты, должно быть, совсем забыла, как выглядит наш Грейф.

Он стал теперь большой собакой. Шестого февраля ему будет десять месяцев.

Он очень любит баловаться, часто прыгает на грудь. Он настолько тяжелый, что от внезапного прыжка трудно устоять на месте. Когда мы его купили с мамой в июне месяце прошлого года, он весил семь килограммов. Недавно я посадил его на весы, и оказалось, что теперь он весит 29 килограммов.

Мама с Арбата везла его на руках в наволочке от подушки. Теперь я его с трудом поднимаю.

У Грейфа очень спокойный и ласковый характер. Он очень подружился с нашей кошкой. Кошка смело хватает его за морду, играет его хвостом. Грейф берет кошку поперек туловища, и она вся исчезает в его огромной пасти. Чувствует себя при этом кошка отлично. Я решил прекратить эту дружбу: Грейфу нужно научиться как следует кусаться.

Вернувшись в Москву, Грейф будет посещать собачьи курсы. Там определят его способности. В зависимости от этого он будет сторожевой или санитарной собакой.

Крепко целую тебя. *Эрнст*".

Северная Земля.
Мыс Оловянный.
31 января 1936 года.

Оптимизм никогда не покидает Кренкеля. Даже когда он его товарищ по зимовке—Николай заболели цынгой. Это было в июле 1936 года на островах, куда их доставили на самолете для научных наблюдений.

Здесь Эрнст узнал, что Папанин шьет ему полярну одежду для участия в экспедиции на Северный полюс. О колол дрова, брал пробы воды, следил за облаками, готови еду, по мыслями он был в Москве.

Запасы были на исходе, а ледовая обстановка не позволя ледоколу подойти к островам. Сперва свалился Николай, зате заболел Эрнст. У них был хлеб, была медвежатина, но н было овощей.

Эрнст заставлял механика двигаться, не давал ему поко пробуждая в нем волю к жизни. В складе Эрнст наше заплесневевший горох. Врач с острова Уединения посовето вал проращивать горох, затем есть его. Он так и сдела И горох помог им.

Осенью к ним, наконец, пробился ледокол. Поддержива друг друга, они поднялись на палубу. Эрнст прошел в радио рубку и немедленно связался с Папаниным, который бы на острове Рудольфа. Он вел с ним длительный разговор.

Ночью Эрнст долго стоял в одиночестве на палубе и, вдыха свежий осенний ветер, думал о том, что исполняется мечт его жизни—экспедиция на полюс.

V

Москва жила обычной жизнью. В третьем этаже старог Гостиного двора, в Рыбном переулке, помещался штаб экспе диции на полюс. В маленькую комнату свозилось снаряжени экспедиции. Меховая одежда, образцы тары, бинокли, ножи керосиновые печи, табак, посуда, обувь, белье, научные при боры.

Учитывалось все. Ни одна мелочь не должна была ускольз путь от внимания. Тщательно был разработан режим пита ния на полюсе. Заготовлялись пельмени и колбаса, сухари куры в сушеном порошкообразном виде. Отбирались книги политические и беллетристика.

В феврале под Москвой состоялась генеральная проб палатки, одежды, продовольствия и радиостанции. На опушк леса была разбита палатка на гагачьем пуху. По сторона палатки было выведено: „СССР“. „Дрейфующая экспедици Главсевморпути 1937 года“.

На торцевой стороне—серп, молот и звезда.

Здесь они жили 6 дней.

Папанин готовил обеды, проверял качество продукто Кренкель испытывал радиоаппаратуру. Все было в порядк Репетиция прошла хорошо.

В марте они улетели из Москвы.

В четвертом часу утра, за несколько часов до старта, рнст Кренкель вошел в детскую, где спали дочки—Ирина Люся. Он был в ватнике, башмаках, подбитых гвоздями. Он склонился над детьми, тепло улыбаясь. Первой проснусь Люся—черноглазая дочка. Кренкель звал ее „Пистолет". на потянулась к нему сонная, трогательная.

— Ну, „Пистолет",—тихо сказал он,—пожелай нам счастливой зимовки!

VI

21 мая 1937 года Кренкель и его товарищи пересекли на молете Водопьянова Северный полюс и сделали посадку дрейфующей льдине. Здесь они обосновали станцию „Северный полюс". На острове Рудольфа непрерывно искали гналов Эрнста Кренкеля. Прошло десять часов мучительных киданий и поисков в эфире.

В 21 час 38 минут Эрнст радировал: „Я—УПОЛ. Ваш перетчик слышу очень хорошо. 88!"

Это означало: „целую, привет".

„Все живы. Самолет цел. У Симы (радиста самолета) орел умформер. Если связь прервется, то вызывайте в полночь. Отто Юльевич пишет телеграмму. Лед—мировой!"

В полночь от своего имени и от имени своих товарищей зимовке Эрнст Кренкель сообщил в Москву по радио:

„Итак, мы на Северном полюсе. Советские люди достигли айней северной точки земного шара. Здесь, в центре тверди Полярного бассейна, в районе, к которому всегда были правлены устремления лучших и отважнейших представилей человечества, гордо реет государственный стяг нашей ликой родины".

И вот они остались одни. Улетели летчики, улетели друзья, варищи—и сразу стало тихо. Остались одни среди арктического безмолвия.

Федоров произвел гравитационные измерения. Ширшов устил трос для измерения глубины океана. Кренкель перел очередную метеосводку на остров Рудольфа. Папанин опотал, налаживал большое и сложное хозяйство станции Северный полюс". Так начались будни зимовки.

В жилой палатке радиостанция занимала целый угол. Позывные рации „Северного полюса"—УПОЛ. Эти позывные коре стали известны всему миру. Тусклая лампочка карманного фонаря освещала хозяйство Кренкеля. По Эрнсту, его словам, почти и не требовалось более сильного

освещения. Он хорошо ориентировался в этом хаосе из про
волоки и проводов.

„За долгие месяцы работы впотьмах, наощупь, у мен
выработалась привычка находить и настраивать нужны
ручки. Щелканье выключателей, гуденье машинки так при
вычны, что при нормальной работе их не слышишь. Малей
шее изменение знакомых звуков, наоборот, сразу заставля
насторожиться. На столе центральное место занимали пер
датчик и приемник. Они не были даже вынуты из ящика
чехла. Ежеминутная возможность переезда на другое мест
не позволяла располагаться по-домашнему.

Так же, как гидрологический стол Ширшова, мой стол
считался священным местом. Сюда, например, не полагало
ставить законченный чайник. Здесь лежали такие деликатны
вещи, как единственный перочинный острый нож и кремн
для зажигалок. Поднимал страшный скандал, если не нах
дил на строго определенном месте кусачки. Ведь возможн
такая обстановка, когда некогда аккуратно отсоединять про
вода и остается зверствовать кусачками. Десятки раз я мы
сленно эвакуировал радиостанцию...

На передатчике лежал замусоленный журнал. Сюда вно
сывались все наши телеграммы, входящие и исходящи
Это явное нарушение той статьи Конституции, где говорито
о тайне переписки. Однако протестов не поступало, разв
что—„почему не сказал, что твоя жена целует всю четверку

Четыре зимовщика жили и работали дружно, весело, бодр
18 июня они совсем не ложились спать—ждали, что самоле
Чкалова пройдет над зимовкой. Эрист Кренкель настороженн
слушал и ловил радио. Скоро Чкалов будет над полюсом
19-го был особенно напряженный день. Эрист безотрывн
дежурил у рации. Он вбежал в палатку, радостно бросил
„Чкалов на полпути от острова Рудольфа к полюсу". Не
сколько позднее они услышали гул мотора—это пролета
Чкалов. Небо было затянуто облаками... Медленно спадал
возбужденное состояние, охватившее полярников.

VII

По словам Эриста, он был на льдине бессменным ночны
сторожем—от полуночи до шести утра. Без десяти мину
шесть он будил Федорова на первые утренние метеорологи
ческие наблюдения. Спустя двадцать минут Эрист встре
чался в эфире с радистом острова Рудольфа Стромиловым
передавал ему сводку погоды.

Затем—утренний чай, завтрак. Затем наступает блаженный миг: Эрнст залезает в спальный мешок. Просыпаясь, он слышит: гремит жесть, гудит паяльная лампа, скрипит снег—это действует неутомимый Папанин.

И снова ночь, и снова дежурство Эрнста. Он выходит из палатки, делает очередные научные наблюдения, „ночным дозором" обходит лагерь. Тишина. Европа врывается в эту тишину грохотом музыки—эфир неистовствует. В половине шестого—Москва. Эрнст улыбаясь слушает руководителя утренней гимнастики: „Откройте форточку, наденьте трусики..."

Эрнст приглашал москвичей на зимовку и даже указывал точный адрес полярной станции: „Пройдя по восточному берегу Гренландии, сверните с одного из северо-восточных мысов на лед и пройдите около 200 километров—здесь вы найдете нас".

Они свыклись со своим жильем, выработали правила одевания в тесной палатке. Правила Кренкеля: садясь в мешок, не ударься головой об острый угол стола; надевая фуфайку, не опрокинь пепельницу и пузырьки Ширшова; встав во весь рост, берегись острой гайки на потолке; одевая брюки, правой ногой не опрокинь лампу, а левой не выбей из рук Ширшова его „письменный стол".

Ни на одно мгновение они не теряли связи с родиной, не чувствовали себя оторванными от Страны советов. 28 июня Кренкель сообщил своим товарищам, что все четыре зимовщика награждены орденами Союза. Торжественные, волнующие минуты! Папанин поднял тост за здоровье родного Иосифа Виссарионовича Сталина. Они поцеловали друг друга и дали клятву работать и работать, не жалея жизни, для блага родины.

Эрнст регулярно сносился с Большой Землей. Он ловил, он прислушивался к голосу родины.

В августе он услышал детские голоса. Это передавали стихи двух пионеров с Трехгорки—Коли и Сережи. С каким волнением зимовщики их слушали!

Далеко на севере,
На громадной льдине
Где туманы серые
И голубые льды,
Далеко на севере,
Там, где небо сине,
Стоит палатка черная
На голубом снегу.

И мы хотим на полюс,
Где стужа и мороз,
И мы хотим пощупать
Земную ось.
— Для полюса вы молоды,—
Нам говорят в ответ,—
Насколько нам известно,
Там пионеров нет.

Но ведь пока мы вырастем,
Все полюсы откроют,
Пройдет десяток лет —
И белых пятен нет.
Мы ставим вам условие:
Мы ждать согласны, но...
Оставьте нам с Сережей
Хоть одно пятно!

Эрнст радировал в Москву:

„...Вчетвером слушаем далекую, но близкую сердцу Москву тчк Второго августа пришли в восторг от стихотворения двух пионеров переданного во время детской передачи тчк Ребята сетуют на свой возраст зпт им тоже хочется подержаться за земную ось зпт исследовать белые пятна зпт они даже согласны подождать зпт пока подрастут тчк Стихи заканчиваются словами квчк ждать согласны но оставьте нам с Сережей хоть одно пятно квчк Благодарим за стихи зпт крепко жмем руки обоим пионерам зпт но боимся что белых пятен скоро совсем не будет тчк Приветствуем нашу новую смену тчк Сереже советуем учиться на начальника аэровокзала Северный полюс

Кренкель".

VIII

Эрнст жил большой внутренней жизнью. Он много читал. Все события мира глубоко интересовали его. 3 декабря он принял радиограмму, которая особенно взволновала его: запрашивали согласия Кренкеля баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР от Уфимского городского округа. В эту ночь четыре кандидата в депутаты Верховного Совета долго не могли заснуть.

В мыслях о Сталине, о родине Кренкель черпал силы, мужество и отвагу. Высшим законом жизни Эрнста Кренкеля была и есть—безграничная преданность делу коммунизма, делу партии Ленина—Сталина.

Партия, родина—эти понятия для него полны глубокого содержания. Вся его сознательная жизнь отдана родине, большевистской партии, которые воспитали его и придали смысл его героической деятельности. Для партии, во имя и во славу родины он шел—год за годом—в Арктику, рисковал жизнью и, не сдаваясь перед трудностями, побеждая их, познавал суровую природу, ставил ее на службу великому Советскому Союзу.

Пламенный патриот нашей родины, как он ненавидит врагов народа, всю эту троцкистско-бухаринскую нечисть, фашистских бандитов, посягавших на самое дорогое и священное—на честь, свободу и независимость страны социализма! И на дрейфующей льдине, а затем возвращаясь на „Ермаке“ домой, Эрнст Кренкель и его товарищи по зимовке жили, как и вся наша родина, великим, всепобеждающим чувством—чувством беспредельной любви к партии, к родине и жгучей ненависти к врагам социализма.

Эрнст знал: то, что народ облек его своим доверием, избрал в Верховный Совет СССР,—этим он обязан партии, верным сыном которой он является. Это партия подняла его на такую вышку, послала на Северный полюс. Это партия учит, вдохновляет, вселяет уверенность в свои собственные силы.

В партию Кренкель вступил в дни челюскинской эпопеи. Именно тогда он с особенной силой познал величие партии большевиков. Челюскинцы возвращались на материк. Весь мир аплодировал их героизму и отваге. Датский моряк сказал в те дни правдивые слова: „Счастлива родина, имеющая таких сынов, и счастливы сыны, имеющие такую родину!“

В поезде, на пути из Владивостока в Москву, Эрнст Кренкель оформил свое вступление в партию. Какое счастье быть членом великого содружества большевиков, какое счастье бороться под знаменем Ленина—Сталина!

В одной из своих радиограмм с Северного полюса Кренкель коротко свидетельствует:

„Все мы говорим друг другу: а что если товарищ Сталин вдруг спросит, как у нас дела? Мы стараемся работать так, чтобы не краснея ответить на этот вопрос“.

И они работали честно, преданно и не щадя своей жизни.

День за днем они расшифровывали белые пятна Арктики, разгадывали тайны Северного полюса. Своей научной работой они осуществляли лучшие мечты человечества. Конечно, они работали весело, с подъемом. Но не потому, что было

легко. Всей своей жизнью и работой они оправдывали большевистское правило: итти навстречу трудностям, чтобы побеждать их.

В коротких, скупых радиограммах Крепкеля проскальзывали штрихи, рисующие трудности зимовки. Никакого „шапкозакидайства". На полюсе, в Арктике не шутят, не бахвалятся легкостью побед. Это не в характере мужественных людей. И Крепкель однажды сказал об этом просто и правдиво:

„Когда мы вернемся, нас наверняка будут отводить за рукав в сторону и таинственным шопотом спрашивать: „А скажите по-совести, вы очень боялись?" Все будут думать, что мы ответим отрицательно. Должен заранее разочаровать этих товарищей и напомнить им один исторический факт. Как передают, мимо Наполеона в опасную атаку пробегала часть во главе с молоденьким офицером, который обливался слезами. Наполеон подозвал его и спросил, почему он плачет. Офицерик ответил, что он очень боится. „Ну, желаю победы!"—сказал Наполеон, и офицерик помчался догонять свою часть и стал во главе ее.

Хорошо ему было плакать при положительной температуре! Нам хотя и страшновато, но плакать нельзя: слезы сразу замерзнут. Все же убедительно просим всех сочувствующих нам не бежать на основании этих сенсационных сведений к Отто Юльевичу Шмидту и не требовать немедленной посылки самолетов! До полного окончания плана работ наш аэродром закрыт! Сейчас вчетвером мы куем планы будущих экспедиций".

Самообладание, выдержка и бодрость духа не покидали Крепкеля и его товарищей даже в самые тяжелые минуты сжатия льдов. Один эпизод их жизни на дрейфующей льдине с необыкновенной отчетливостью и простотой рисует этих людей.

Это было 1 февраля. Папанин играл с Крепкелем в шахматы. К концу партии они услышали сильный треск позади палатки. Положение Папанина в шахматной партии было, по его собственному признанию, безнадежным. Треск возрастал. Эрнст вышел из палатки, осмотрел все кругом. Спать они легли, не раздеваясь.

Папанин все это описал в дневнике.

„Вскоре я услышал страшный скрип в самой палатке. Разбудил Женю и Ширшова.

— Надо одеваться,—сказал я им,—под нами скрипит лед.

Женя усмехнулся и ответил:

— Зачем одеваться, это снег оседает. Потому и скрипит. Я хотел выйти, но Теодорыч уговорил меня остаться, сказав, что посмотрит сам. Тем временем Ширшов оделся и вышел из палатки с фонарем. Вернувшись он сказал:

— Трещина проходит рядом с нами.

Тогда быстро оделся и Женя. Все вышли из палатки. Действительно, в восьми метрах от нашего жилья проходила узенькая трещина. Ширшов присмотрелся к ней и увидел, что края льда колышутся. Мы вернулись домой. Теодорыч сказал:

— Надо прежде всего попить чайку.

Затем обсудили план дальнейших действий".

Спокойствие, энергию и мужество они сохранили и на обломке льдины. Уверенно, деловито проводились научные наблюдения, регулярно шли на материк радиограммы Кренкеля. Свою радиостанцию он называет изумительным сгустком советской техники. Он доволен ее работой. Минимальный вес и максимальная надежность радиостанции особенно радовали Кренкеля во время зимовки. За 9 месяцев он ни разу не вскрывал станцию для устранения неисправностей—все было в порядке, станция работала идеально.

Дело, конечно, было не столько в самой технике, сколько в человеке, который изумительно владеет сложными приборами. Снова Кренкель показал себя замечательнейшим радистом, непревзойденным мастером радиосвязи. Четыре раза в сутки он передавал на материк метеорологические сводки. За 9 месяцев дрейфа радист Кренкель отправил на материк 5 тысяч слов, что для миниатюрной рации зимовки „Северный полюс" является рекордным достижением. Он передал 1 555 радиограмм плюс 1 060 метеосводок и принял свыше 300 радиограмм.

Метеошифровки Кренкеля все метеостанции мира получали в тот же день. До 15 января Эрнст Теодорович держал связь с островом Рудольфа на волне 56 метров. Во время длительного непрохождения коротких радиоволн Кренкель стал держать связь на длинных. Своим 20-ваттным передатчиком Эрнст Кренкель перекрывал расстояние в 900 километров.

Он работал до последней минуты существования станции „Северный полюс". Покидая обломок льдины, Эрнст Кренкель, волнуясь, с бьющимся сердцем передал последнюю радиограмму с дрейфующей станции, рапорт папанинцев товарищу Сталину, руководителям партии и правительства:

„...В этот час мы покидаем льдину на координата
70° 54′ нордовой, 19° 48′ вестовой и пройдя за 274 суто
дрейфа свыше 2 500 километров. Наша радиостанция пер
вая сообщила весть о завоевании Северного полюса, обес
печивала надежную связь с родиной и этой телеграммой за
канчивает свою работу.

Красный флаг нашей страны продолжает развеватьс
над ледяными просторами".

Время было—15 часов 55 минут.

На вершине снежного холма водружен был государствен
ный флаг Советского Союза.

БОРИС ГОРБАТОВ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШИРШОВ

Свою автобиографию Петр Петрович Ширшов начинает так:

„Мне 32 года. Родился я в Днепропетровске в семье печатника. Всю свою жизнь учился".

„Учиться!"—это с детства было девизом Петра Ширшова. Учиться жадно, неутомимо, никогда не насыщаясь. Учиться везде—и на школьной парте, и в лаборатории, и на реке, и на борту качаемой штормами шхуны, и на льдине под зловещий свист пурги. Учиться! Ширшов никогда не скажет: „Довольно, я знаю". Он хочет знать больше, еще больше, все, сколько вместят глаза и мозг.

Он принадлежит к тому замечательному поколению советских молодых людей, перед которыми Великая Октябрьская революция широко распахнула двери в науку. Сын рабочего-печатника и портнихи мог, наконец, стать и стал ученым.

Он „опоздал родиться", чтобы вместе с матросом Иваном Папаниным воевать с захватчиками на истерзанных полях Украины и Крыма, но он родился как раз во-время, чтобы вместе с большевиком-полярником Иваном Папаниным завоевать Северный полюс.

Как стал полярником этот сероглазый парень с Днепра? Как стал скромный молодой гидробиолог ученым с мировым именем, дерзко проникшим в извечные тайны природы, дразнившие целые поколения ученых, а ныне заключенные в простой черный портфельчик?

Рассказ об этом есть рассказ о нашей родине, рассказ о том, как воспитывает наша партия героев, как расцветают у нас таланты. Это также рассказ о человеке, у которого крепкая воля, смелая мечта и светлая голова.

Маленький домик на окраине Днепропетровска... Степь.. Ржавый бурьян... Ветер, хлопающий ставнями...

В доме—нужда, озабоченные лица родителей, разговоры о дороговизне, о концах, которые не свести с концами, маленькие надежды и большие мечты, заботы о детях, о том чтобы хоть они „выбились в люди", чтение по вечерам нелегальщины, боязнь обысков... И керосиновая лампа-коптилка... И труд, труд, труд, подъяремный труд ради куска хлеба, ради детей...

В этом домике живет маленький сероглазый болезненный мальчик. Он любит сидеть у печки, мечтательно глядеть в огонь. Пламя рисует ему чудесные картины битв. Он любит камни, воду, цветы, травы... Он читает „Жизнь растений" Тимирязева. После этого он по-новому смотрит на знакомую степь: в ней жизнь, жизнь, о которой он и не подозревал раньше. Он любит уходить на реку, лежать на волне, нырять на дно. И здесь тоже жизнь, ему неизвестная, но кипучая. Он собирает на берегу камни, поразившие его формой или расцветкой, и тащит домой. „А камни растут?—мучается он загадкой.—Растут они, как растения, или совсем мертвые?" Он собирает цветы для гербария. Никто не умеет так бережно обращаться с трепетными лепестками, как он. Он мастерит самодельный микроскоп—ему хочется увидеть жизнь, невидимую невооруженному глазу. Географическая карта волнует его, голубые моря на ней манят в далекие плавания. Он любит играть с глобусом. Закрывает глаза и загадывает: „Где я буду странствовать, когда вырасту?" Наугад тычет пальцем. Иногда выходит: в Тихом океане, среди голубой воды, иногда—в жарких пустынях Африки. Случается, что палец сероглазого мальчика попадает в вершину мира—полюс. Думает ли он о том, что это сбудется? Нет, конечно. Но чудесно мечтать.

Но можно ли ему мечтать о подвигах, о плаваниях? Он бледный, тщедушный, болезненный мальчик, настоящий сын нужды, дитя рабочей окраины, потомок чахоточных мастеровых. Ему ли мечтать о большом плавании? Его отец любит книги, тоже мечтал учиться. Но вот судьба отца: он переплетает книги, а читают их другие. Отец тоже любит камни, цветы, воду,—а целыми днями, от зари до зари, работает

сгорбившись над верстаком, в душной мастерской, где кисло пахнет клейстером, где чахнут люди.

Возможно, что и Петя Ширшов, мечтавший о надутых парусах, зачах бы, как зачахли многие таланты из народа. Жизнь засушила бы его и небрежно сунула в гербарий, где уже тысячи таких высушенных и выпотрошенных каторжным, подневольным трудом. Возможно, что так оно и было бы, если бы... если бы Петру Ширшову не посчастливилось родиться во-время.

Он родился во-время. В чудесное время стал на ноги сын переплетчика и портнихи Петр Ширшов!

Самые смелые, самые дерзкие мечты стали осуществимыми. Все, что мерещилось мальчику в огоньках, прыгающих в печи, все, что грезилось на берегу Днепра,—все может чудесно сбыться. Настежь распахнуты перед Ширшовым двери советских вузов. К его услугам профессора, книги, лаборатории, корабли. Стоит только захотеть. Стоит только захотеть!

У этого сероглазого мальчика было крепкое „хотение“ и крепкая воля. Еще в ранней юности, обозлившись на свое тщедушие, он сказал себе: „Кончено! Я не буду кислятиной. Я буду сильным, здоровым, смелым. Я так хочу, и так будет!“

Он повесил над кроватью портрет Джека Лондона. Взяв кусок хлеба в карман, он с товарищем отправился „кочевать“. Они бродили по степи, слушали, как свистят суслики, как шумит река.

Эти „кочевки“ стали частыми. Он полюбил воду, еще не зная, что будет гидрологом. На дряхлой лодчонке он бродил по Днепру, спал под открытым небом, у костра пек в золе картошку и был счастлив: ему казалось—он слышит, как наливаются силой мускулы.

— Хорошая тренировка!—докладывал он матери, когда промокший, озябший, голодный, но счастливый возвращался домой.

„Тренировка“—это слово стало любимым в его словаре.

Он готовил себя для большой дороги в жизнь. Ему нужно было быть сильным для этого. Он знал уже, что будет искателем, хотя и не знал, что станет полярником.

Он писал матери из военного лагеря после большого перехода:

„Чувствую себя очень хорошо: в самом деле, не раскис, не простудился, ни на шаг не отстал от своей колонны... Вообще очень доволен этим опытом—очевидно, обладаю некоторой выносливостью“.

— Молодец!—одобрила его мать, чудесная Ирина Яковлевна, истинный друг своего замечательного сына.

И гордый ее похвалой сын пишет:

„Мамик, ты рада, что я не кислятина? Я тоже. Мне прямо противны те сопляки, которые с самого начала, вместо того чтобы бороться с трудностями, начинают хныкать. Для меня же вопрос чести не быть худшим, и я рад, что все делаю не хуже других".

Это были „заповеди" молодого Петра Ширшова, заповеди молодого советского человека: „не быть кислятиной", „не хныкать", „смело бороться с трудностями", „не отставать от других". Он мог теперь снять со стены портрет Джека Лондона. Образы других, несравненно более великих и более мужественных людей вдохновляли теперь его и воспитывали в нем самое высокое на земле мужество—мужество большевика. Так выковался из юноши с Днепра будущий завоеватель полюса.

А пока, еще не зная, что станет полярником, Петр Ширшов продолжал тренировку. Он ходил под заштопанным парусом на шаланде в море. В рыбацкой „дубе", без лоцмана он пустился осенью через Днепровские пороги, чтобы дознаться, каковы там водороели. Он научился здесь по-настоящему любить и понимать воду, владеть собой и лодкой. Сколько раз, казалось, смерть глядит в глаза, неминучая, белая смерть, в лохматой гриве пены. Но Петр только крепче налегал на весла—он всегда верил, что человек сильнее стихии. И выходил победителем. А ночью, беззаботно устроившись на берегу, укрывшись сырым парусом, он спал праведным сном отлично поработавшего человека.

Вот такую жизнь он любил! Этого он хотел. Его мечты сбывались. Но теперь они показались ему маленькими, узкими. Аппетит приходит во время еды.

В нем все время жила неугасимая жажда пространства. Ветер всегда будоражил его. А „трудности", как он называл дорожные приключения, были всего-навсего тренировкой.

Но он не был бродягой. Сын героического народа, человек высокого мужества, он лишен какой бы то ни было тени авантюризма. „Сильные ощущения" ради ощущений никогда не увлекали его. Он хотел честно служить своему народу, своей родине, своей партии, делу Ленина—Сталина. Разве не был он всем обязан партии и родине? Кем бы он был сейчас без них? И он хотел заплатить свой долг всей своей жизнью, до конца отданной родной стране.

Вот почему он стал гидробиологом—в этой профессии он

нашел и полное применение своим силам и возможность осуществить свою мечту.

Он рассуждал: нет экспедиций, нет плавания без гидробиолога. Я смогу проникнуть взглядом в тайны морей и океанов. Какие волнующие вещи узнаю, увижу и разгадаю я! И это будет моя служба народу.

Он стал учиться со страстью и упорством, свойственным ему. Чем шире раскрывалась перед ним любимая наука, тем крепче он любил ее. Он мог без устали сидеть в лаборатории, склонившись над микроскопом. То было время великих „открытий" Петра Ширшова,—нет нужды, что эти Америки уже давно известны всем ученым, ведь он-то, Петр Ширшов, ничего этого раньше не знал. И он с трепетом Колумба вглядывался в новый, неизвестный ему еще мир в капле под микроскопом.

Но чем старше и ученее становился он, тем сильнее хотелось ему узнать то, чего еще никто не знает, увидеть жизнь там, где ее еще никто не видел.

И тогда его потянуло на Север.

Север—вечная загадка природы. Север—край неведомый и много обещающий. Проникнуть в тайны Севера, разгадать их и поставить на службу родине—что может быть почетнее для советского ученого?

С тех пор каюта на ледоколе, содрогающемся от напора льдов, палатка на льдине челюскинцев, палатка дрейфующей станции становятся лабораториями советского ученого Петра Петровича Ширшова. Этот ученый жаден: ему хочется все узнать и все самому увидеть. Он ищет жизнь во всех ее проявлениях, даже на дне Ледовитого океана, даже на Северном полюсе.

И найдя и утверждая эту жизнь, он по-настоящему счастлив, потому что сам он энтузиаст всего живого, в лучшем смысле слова „живой человек", умеющий мечтать и достигать, трудиться и радоваться труду.

Впервые на Север Ширшов попал в 1930 году.

На легком карбасе он плыл по бурной полярной реке Туломе. Но это было еще недостаточно северно для него. Он решил забраться „мористее", как выражаются моряки, и в следующем году он уже плывет на старой шхуне „Ломоносов", держа курс к Новой Земле.

Он получил здесь первое арктическое крещение. Старую посудину болтало, как щепку, среди ревущих и пенящихся валов. Скрипели ветхие снасти, плясала под ногами палуба, ледяные волны окатывали мореплавателей с ног до головы.

А Ширшов?

Он написал матери:

„Картина была изумительно красивая, хоть, признаться, иногда жутковато было... В общем я очень доволен, что посмотрел хороший шторм“.

В этом бесстрашном человеке жил только один страх: как бы не оказаться никудышным полярником. Южанин, он имел все основания бояться этого. По он никому не говорил об этих своих „страхах“. Он просто старался „быть не хуже других“.

Их было всего пятеро на старой шхуне. Они весело смотрели, как пляшет в волнах деревянный бушприт, и пели:

На шхуне «Ломоносов»
Нас было пять матросов...

И голос Петра Ширшова звенел веселее всех. Нет, он напрасно боялся оказаться плохим полярником. Он был вылеплен из настоящего теста—из теста героев. Севастополец Папанин тоже оказался нехудым полярником. Дело не в географии, а в человеке. А они были настоящие люди, доблестные патриоты.

Ширшов доказал это в следующем же году. Теперь под ним качалась палуба не шхуны, а ледокола. Ледокол шел, пробивая тяжелые, многолетние льды. Ледокол назывался „Сибиряковым“.

Много десятилетий мечтали полярные исследователи о сквозном пути с запада на восток или с востока на запад. Но никогда еще ни одному кораблю, ни одному исследователю не удавалось в одну навигацию пройти весь Великий Северный морской путь. Кладбища кораблей, деревянные кресты из серого плавника на пустынных мысах, мрачные легенды о затерявшихся навеки в ледяных пустынях командах погибших экспедиций—следы героических, но безуспешных попыток одиноких смельчаков.

„Сибиряков“, посланный Страной советов и мощно поддержанный ею, должен был совершить то, что было не под силу экспедициям капиталистических стран. На борту ледокола находился и Петр Ширшов. Друзья называли его ласково: Пэпэ—Петр Петрович. Впервые он увидел настоящую Арктику: громады льдов обрушивались на борты ледокола, казалось, железные бока его не выдержат и лопнут. Волны хлестали по палубе, смывая все, что было плохо привязано. Погода менялась на глазах, ее коварная переменчивость мучила больше, чем ее злобная неприветливость. Надежды сме-

нялись унынием, тоскливо тянулись дни ледового плена: „Вырвемся ли? Пройдем ли?“.

„Мы должны пройти!“—говорил себе и товарищам Пэпэ. Он становился энтузиастом Арктики, он больше не боялся того, что он южанин. Он работал в ледяной воде на авралe—и не мерз. Таскал мешки с углем—и не уставал. Терпел стужу—и не болел. Ему по душе были и скрежет льдов, и свистящий ветер на мостике, и суровая, но прекрасная панорама дикой, малознакомой еще Арктики, и дружный аврал на льду, когда чувствуешь себя членом коллектива, когда нежно любишь товарища, работающего рядом, когда вместе с ним долбишь лед пешнями и ломами, чтобы дать ход кораблю. Пэпэ становился полярником.

У острова Идлидля „Сибиряков“ попал в жестокую переделку: сломаны гребной винт и вал. Ледокол остался „без руля и без ветрил“, он не мог самостоятельно двигаться. Воронин приказал соорудить на „Сибирякове“ паруса из брезента, чтобы ускорить дрейф на восток. Ледокол под парусами!—это было чертовски смешно. Смешно, когда вспоминаешь теперь. Тогда было тревожно. Их несло куда-то на норд-вест, может быть, в Полярный бассейн. Вспоминалась трагическая судьба „Жаннеты“, „Святой Анны“. Куда нас вынесет? И вынесет ли?

В эти грозные дни не было на ледоколе человека спокойнее и веселее, чем Пэпэ Ширшов. Как всегда, стараясь быть „не хуже других“, он часто бывал лучше многих.

Чтобы поднять настроение, сибиряковцы пели:

Никто пути пройденного
У нас не отберет,
А баржа ледокольная
Вперед — назад идет!

Отто Юльевич Шмидт дирижировал.

И „баржа ледокольная“ под брезентовым парусом действительно пошла. Впервые в истории арктического мореплавания был пройден в одну навигацию Великий Северный морской путь.

Товарищ Сталин, руководители партии и правительства высоко оценили мужество и преданность сибиряковцев. Темно-синяя куртка Петра Ширшова украсилась первым орденом—орденом Трудового красного знамени.

Теперь он уже не мыслил себя вне просторов Арктики. Север властно звал его. Уже тогда родилась мечта о плавании на дрейфующей льдине. Но время еще не пришло.

— Подождите!—сказал ему Отто Юльевич.—Терпение—лучшая добродетель полярника.

— Обещайте включить меня в такую экспедицию.

— Хорошо,—улыбнулся Шмидт.

Время для дрейфующей во льдах зимовки еще не пришло. Большевики решили завоевать Север прочно. Вслед за экспедициями, за воздушными и морскими разведчиками шли партии зимовщиков. На пустынных островах, в глухих бухтах возникали полярные станции, строились порты, угольные базы, метеопункты, поселки. В Арктике запахло человеческим жильем. Арктика не только осваивалась, но и обживалась, как обживается новый просторный дом.

Ключом к овладению Арктикой был Великий Северный морской путь. Прежде чем думать о дрейфующей зимовке, надо было овладеть Северным морским путем.

„Сибиряков" был только счастливым разведчиком. Следом за ним пошли „Челюскин" и „Литке".

И полярник Петр Ширшов—на „Челюскине". Он известен уже и как ученый (знали его работы по планктону), и как мужественный человек, и как чудесный товарищ. Его никто не зовет иначе, как Пэпэ. Никто не удивляется, когда во время шторма в ледяной воде первым оказывается Ширшов, спасающий смытый волной с палубы груз. Все привыкли видеть на лице Пэпэ мягкую, спокойную улыбку. Его любят и уважают. Позднее, на льдине, челюскинцы избирают его членом товарищеского суда.

„Челюскину" выпало тяжелое плавание. Никогда не забыть колючинского плена, когда десятибалльный сплошной лед намертво заякорил корабль. Лед взрывали аммоналом, долбили ломами, окалывали. И Петр Ширшов, без сожаления расставшись с микроскопом, уходил на лед и работал „не хуже других".

Окалывали нос судна. Левая „скула" парохода уперлась в поле не особенно толстого льда. На это поле с яростью бросилась бригада Ширшова. Загремели ломы и пешни. Через несколько часов работы у борта запенилась вода.

— Вода! Вода!—закричали челюскинцы.

Так восторженно кричали моряки Колумба, увидев землю. Но это была лишь узенькая полоска воды, то и дело грозившая затянуться льдом. Темнозеленые глыбы уже наползали отовсюду. „Крючники" длинными баграми отталкивали льдины. Другие ребята сачками вылавливали из майны ледяную кашу и выбрасывали ее на лед. „Лошади" (водолаз,

инженер и кинооператор), впрягшись в нарты, тащили, тяжело дыша и сопя, этот груз подальше от судна.

Это и есть аврал—лучшая тренировка для полярника, как любит говорить Ширшов.

Эти авралы стали чуть ли не ежедневными. Однажды Ширшов едва не погиб на таком авралe. Под ним раскололась льдина. С шипением хлынула вода, и уже по пояс в ней Пэпэ бросился в сторону, чувствуя, как что-то огромное надвигается сзади. То был борт ледокола, ломающего лед.

„Задавит!.. Только бы выскочить!..“—пронеслось в голове.

Обломок поля быстро опрокидывался под ногами, круто поднимаясь вверх.

К Ширшову на помощь с баграми в руках бросились двое и, не добежав, неподвижно замерли.

Льдина быстро погружалась.

Как при вспышке магния, на мгновение увидел оцепеневшие фигуры людей.

„Что с ними? Почему они стоят?“

Уже по горло в воде, судорожно цепляясь руками и ногами, чувствовал Ширшов, что проваливается куда-то вниз.

„Неужели конец?“—пронеслось в сознании. Перед глазами, перед самым лицом белыми пятнами по яркой зелени воды кружились маленькие льдинки... Сталкивались... Расходились... Снова сталкивались...

„Врешь... Выскочу!“

Быстро заработал руками и ногами, скользя по льду.

„Как собака, на четвереньках...“—самому вдруг стало смешно.

Сильным рывком выбросился через гребень льдины и животом упал на твердый лед.

Выскочил!

Но почему все стоят так тихо? Все смотрят на Пэпэ, как на выходца с того света. Он удивленно спросил:

— В чем дело, друзья?

Ему объяснили: сзади на него наваливалась новая льдина. Выскочи он на минуту позже, и был бы конец Пэпэ.

— Был бы из тебя, Пэпэ, славный пирог,—мрачно пошутил Вапя Нестеров.—Сверху лед, снизу лед, посредине ты вместо начинки.

И Пэпэ весело расхохотался, представив себя в слоеном пироге.

Он попрежнему работал на авралах впереди всех. Но это казалось ему недостаточной тренировкой. Он хотел стать закаленным полярником. Он завел себе привычку каждое

утро, до чая, выходить на лед, на утреннюю зарядку. Пятьсот метров бегом по льду до знакомого ропачка, пятьсот—обратно, в любую погоду. После этого так весело стучит кровь в жилах. Хорошо!—улыбался он. Очень хорошо!..

Но он не забывал и о своей научной работе, о тех миллиардах микроорганизмов, которые, таясь от людского взора, бытуют в воде. Он находил для них время между авралами. Он не умел ничего не делать. Вынужденное безделье мучило его больше, чем самый дьявольский аврал.

На тридцатиградусном морозе он систематически брал очередную серию проб планктона.

Это совсем не просто. Рукавицы моментально покрываются льдом, руки становятся непослушными. Но Пэпэ успевает вылить пробу в небольшую склянку. Он прячет ее за пазуху—здесь не замерзнет! Тепло человека согревает драгоценную для науки жизнь в грамме воды.

Теперь нужно отвинтить сетку, отцепить от нее тяжелый груз (смешно называется этот груз—„почтальон"). Рукавицы обледенели и не гнутся, словно железные. Он сбрасывает их прочь. Холодный металл обжигает пальцы. Приплясывая от боли, гидробиолог бежит в каюту. Под микроскоп, скорее под микроскоп, пока еще нет очередного аврала!

Он жадно, всматривается в чудеса в капле. Вот два микроскопических рачка. Вот цепочка из восьми клеточек с длинными тонкими щетинками по углам. Это водоросли. Каждая клеточка—живое существо, простейшее растение, миллионы которых поместятся в одном наперстке.

Но что это? Он не верит своим глазам. Он снова и снова всматривается в одну клеточку.

— Таких в полярных морях не бывает! Это водоросли из Берингова пролива.

Значит, в самом деле сюда достигают струи теплого течения? Замечательная находка! Она вознаграждает за онемевшие от холода пальцы. Эта маленькая клеточка поможет нанести на карту границы течений в море. Это уточнит картину Полярного моря. Наши корабли увереннее пойдут Северным морским путем. Нет, не даром, не даром стоим мы здесь, в ледовом плену!

Он записывает в дневник:

„7 ноября 1933 г. Торжественный вечер в кают-компании. Шестнадцать лет Октября! Растет и крепнет в невиданной стройке Страна советов. Мощь ее признана во всем мире.

На колхозных полях собран обильный урожай. Политика

ртии бесповоротно победила в деревне. Неисчислимы побе-
социализма на одной шестой земного шара".
Гордость наполняет сердце патриота:
„Мы—самый дальний форпост Советов! Мы крепко дер-
им в ледяных пространствах, на грани двух миров, наше
дное знамя!"
Наступали последние дни „Челюскина". Корабль метался
агонии. Его сжимало льдами. Наконец, последнее сжатие...
охот, треск, гул ломающегося дерева и металла... По
лубе катятся бочки... Рев и скрежет льдов... Чей-то исте-
ческий крик:
— Боря! Боречка!
Это заметили Бориса Могилевича, мечущегося по корме.
Водоворот... Кружатся и перевертываются льдины. Хаос
ломков.
Кончено! Нет „Челюскина". Люди остались без крова, на
ду, вдали от родины.
А Ширшов? Странное дело, Ширшов доволен. Ему жаль,
нечно, корабля, жаль, что экспедиция так трагически кон-
лась. Но зато... зато под ним дрейфующая льдина и, сле-
вательно, какие возможности, для любимой работы!
Челюскинец Хмызников так и записывает в дневнике в
рвый же день жизни на льдине:
„Пэпэ Ширшов предлагает открыть запись в экспедицию
дрейфующей льдине через Полярный бассейн,—это его за-
тная мечта!
— Ладно. Пэпэ, только давай сначала подрейфуем на этой
дине по Чукотскому морю.
Смеемся. Ветер продолжает гудеть за палаткой".
Так начались знаменитые челюскинские дни в ледовом
тере Шмидта.
Ширшов и здесь остался верен себе. Попрежнему был
первым на авралах, его знаменитая бригада гремела на
сь лагерь. Попрежнему бегал он на утреннюю зарядку:
тьсот—туда, пятьсот—обратно. И никакая пурга, никакое
катие льдов не могли помешать ему учиться. Он всю
изнь учился. Отчего же здесь ему перестать? И он невоз-
тимо вытаскивал из черного чемоданчика английский сло-
рь и сказки Киплинга и принимался за науку. Товарищи
почтительным удивлением глядели на него.
„Нет, мы непохожи на потерпевших крушение,—писал
Ширшов в дневнике,—на обреченных на смерть, на одино-
ство.
Вся страна, от высоких башен Кремля до аулов в

неприступных горах, следит за нами. Твердо верит, что м
не сдадимся".

Они не сдавались и не сдались. Они знали, что велики
Сталин лично заботится о них. Они верили, что их спиму
И одним из самых спокойных и деятельных людей на льдин
был Ширшов.

Но он умел и мечтать. Когда палатка содрогалась от бе
шеного ветра, когда плясала на дворе пурга, он, как в детств
охватив колени руками, сидел у печки и глядел на огон
И тогда вся его жизнь проходила перед ним, освещенна
пламенем.

„В широком отверстии огненными язычками падала нефт
на догоравшее полено. Капризным зверьком плясал огонь, по
прыгивал под редкими каплями. Обняв колени руками, я сл
дил за игрой огня. В трубе гудел ветер. Начиналась пург

Как давно это было... Двадцать лет...

Мальчиком сидел я возле печки. Сквозь решетку колосни
ков падали раскаленные угольки. За окном, закрытым ста
ниями, носился шалый степной ветер. Домик стоял на окраин
города, далеко на Украине. В комнате тихо. Давно это было.

Потом с куском хлеба в кармане уходили двое мальчише
за город.

Свистели в степи суслики, в знойном небе звенел жавор
нок, на горизонте синели курганы. Провода звучно гудел
над рельсами.

Потом—широкий простор Днепра, кряканье уток на зар
звон комаров в камышах.

Годы шли...

Надувались паруса на зеленой зыби бурного моря. Легки
карбас нырял в быстринах Туломы. Молчали полярные ел

Под самым носом судна буруны вздымались в тумане и
Новой Земле. Торжественной панорамой разворачивались гор
Крестовой губы, отражаясь в зеркальной глади залива.

С шорохом сломалась первая льдина в Матшаре, поплыл
качаясь, обломки. В тяжелых льдах застрял „Сибиряков
пробивая дорогу на восток.

И, наконец, „Челюскин". Хорошо, что я пошел на „Челю
скин", отказавшись от другой экспедиции".

И когда пришел час покинуть льдину, час, которого нетер
пеливо ждала вся страна,—Петр Ширшов вдруг почувство
вал, что ему... грустно расставаться с ледовым лагерем.

Он улетал одним из самых последних. Его „эвакуационны
номер"—87. Это оценка физической и моральной выносливо
сти уроженца Приднепровья. Он недаром тренировался.

„Мне очень грустно покидать лагерь,—пишет он в дневнике
т 12 апреля.—Два месяца жизни на льду, обильной самыми
азнообразными впечатлениями, заполненной борьбой за аэро-
ромы, борьбой за какой-то „комфорт“. Два месяца дружной,
одчас тяжелой работы... И все это нужно бросить... Право
е, будет нехватать и ропаков, и наших палаток, и бригад,
сего коллектива, с которым так сжился“.

Он вылетел из лагеря 12 апреля. 13 апреля ледового лагеря
елюскинцев не стало. Все люди были на твердой земле.

Но Петр Ширшов сказал Арктике не „прощай“, а „до
видания“. До новой встречи! Он знал теперь, что его судьба
репко-накрепко связана с судьбою этих безмолвных пустынь.
Я еще вернусь!“—думал он, окидывая грустным взглядом
накомые торосы.

Впрочем, и очутившись на твердой земле, он сумел попасть
небольшую арктическую экспедицию. Челюскинцы из Ван-
арема в Уэллен перебирались двумя способами: пешком и
о воздуху. Ширшов был назначен в партию „летчиков“, но
апросился в „пешеходы“. Зачем? Ему захотелось пройти
ятьсот километров пешком по Чукотской земле, потрениро-
аться в пешем хождении по тороспстым полям. Потому что
челюскинские дни, на льдине, он уже знал, что волнующе
ишзка, заманчиво реальна его мечта: продрейфовать на
ьдине через Полярный бассейн. А для этого надо быть ко
сему готовым. И он прошел пятьсот километров пешком
ия тренировки. Его лицо почернело, глаза впали, он здорово
змучился,—пришлось и померзнуть, и поголодать, и по-
оевать с торосами. Но он был доволен. Это пригодится.

Мечта большевиков! Она перестраивает мир, завоевывает
олюс, пустыни превращает в цветущие сады. Упрямый ску-
астый Водопьянов мечтал о посадке самолета на самый
подшипник“—на Северный полюс. Настойчивый, напористый
апанин мечтал о зимовке на полюсе, о том, чтобы по-хозяй-
ки, по-советски расположиться там, положив в карман мехо-
ых штанов ключ от полюса. Молодой ученый Ширшов
ечтал о научной работе на полюсе, о разгадке вековых
айн: есть ли жизнь на полюсе? какая? как ее поставить
а службу родине?

Так мечтали эти люди, и великая страна все сделала для
ого, чтобы они могли осуществить свои мечты. Она снаб-
ила их первоклассными машинами. Она поддерживала их
морально и материально. Она окружила их нежной заботой
с волнением следила за их героической работой. Родной

Сталин вдохновлял отважную четверку папанинцев. Они го
товы были все сделать, чтобы оправдать его высокое доверие
И они сделали все, что могли. Они сделали то, чего никт
не мог сделать до них.

Ширшов, как всегда, основательно готовился к экспедиции
Он прежде всего учился. Теперь надо было изучить две новы
науки: радиодело—на случай, если выйдет из строя Кренкел
и медицину, потому что Ширшов стал, по совместительству
также и доктором дрейфующей станции.

И он всерьез увлекся медициной, как увлекался учебо
всегда. Он по целым дням сидел в клинике, приучал себ
к запаху и виду крови, изучал „малую хирургию", слуша
учился, смотрел. Больные в амбулатории принимали ег
за доктора. Папанинцы тоже величали его доктором, н
старались не хворать.

Уехав перед экспедицией на курорт, в Сиион, Петр Шир
шов, оставив и медицину и радиодело, тренировался в друго
науке. Он привез с собой на курорт резиновый клипербо
и по целым дням болтался на воде. Это была тренировка в
случай, если придется со льдины перебираться на углы
клипербот.

Так готовился он к зимовке на полюсе.

21 мая 1937 г. войдет в историю борьбы человека с при
родой, как вошло 11 октября 1492 г., когда Колумб увиде
землю нового материка.

21 мая 1937 г. на самом северном крае земли взвилос
алое знамя великого Советского Союза с портретом Сталин
на нем.

А 6 июня у этого знамени осталось только четыре чело
века: большевик Иван Папанин, кандидат партии Эрно
Кренкель, комсомолец Евгений Федоров и непартийный боль
шевик Петр Ширшов.

Начались героические будни. Дрейфовать, но не дрейфит
Они пели:

Дрейфовать в далеком море
Посылает нас страна.

Они писали в Москву:

„В царстве вечного безмолвия, среди вечных льдов м
будем работать спокойно, зная, что о нас думает и заботится
великая страна".

И они спокойно работали. У каждого из них было сво
дело. Читая дневник Папанина, видишь, как напряженно ра
ботала четверка. Вот записи, относящиеся к Ширшову:

„*17 июня.* Ширшов, несмотря на пургу, забрал все свои робы и пошел работать".

„*1 июля.* Петр Петрович вот уже сутки не отдыхает, се время работает у лебедки".

„*6 июля.* Приходится работать по шестнадцать часов в утки, а подчас даже больше. Но братки неутомимы!"

„*6 августа.* Один лишь Петр Петрович непрерывно работал с вертушкой. Он изучает наш очень интересный дрейф. Вообще Ширшов и Федоров работают, не считаясь с временем, стараются сделать как можно больше".

„*18 августа.* Наша палатка и база покрылись большой коркой прозрачного льда. Петр Петрович десять часов подряд занимался наблюдениями над скоростью и направлением течений. Хотя эта работа не входила в план наших гидрологических исследований, но она очень важна. Сделано крупное научное открытие об обратных течениях (на север) на разных глубинах. Секреты и тайны Центрального полярного бассейна должны быть открыты!"

„*19 сентября.* Петр Петрович изучает английский язык. И решил каждый день заниматься им один час".

„*30 сентября.* Почувствовал себя неважно—знобит, поги томит. Доктор Петр Петрович дал мне две таблетки аспирина. Насчет хирургии думать не приходится, хотя Петрович забрал много медицинских ножей, иголок и раньше практиковался с доктором Чечулиным в больнице: он резал нарывы на пальцах, покупал два-три кило говядины и дома резал ее и сшивал. Нет, лучше не попадаться в руки Петра Петровича".

„*24 декабря.* Метет пурга, ветер дует изо всех сил. Пошли с Петром Петровичем вдоль трещины. Надели кухлянки, привязались друг к другу веревками, решили перевезти с трещины к жилой палатке все гидрологическое хозяйство. Впряглись в нарты. Ветер обжигает лицо. Когда пришли в палатку и разделись, то от нас шел пар. Очень устали".

„*25 января.* С трещины вернулся Петр Петрович и привез все свое хозяйство. Он работал без отдыха ровно сутки. Кроме гидрологической станции Ширшов сделал серию вертушечных наблюдений над течениями и сразу засел за обработку результатов".

„*26 января.* Я пошел в лабораторию к Петру Петровичу, заставил его лечь спать. Он залез в спальный мешок и сладко проспался тринадцать часов".

Так работал на льдине гидролог Ширшов. Так работали его товарищи.

Возвращаясь на большую Землю, они везут замечательный трофей: в потрепанном портфельчике Ширшова хранятся тайны Северного полюса.

Маленький сероглазый мальчик мечтал когда-то о том, что узнает тайны днепровского речного дна. Он знает теперь то, чего никто не знал до него: тайну океанского дна в Полярном бассейне. Папанинцы установили, что Центральный полярный бассейн очень глубок. Они решили задачу, мучившую Нансена: как далеко простирается теплое течение в Ледовитом океане? Ширшов ответил: до самого полюса. Он может это доказать, он это видел, изучил, проверил. Папанинцы доказали, что жизнь есть и на полюсе. Они видели пуночку, видели медведей на 88 градусе северной широты, тюленей, лахтака—морского зайца, серебристого, с черными пятнами. Лахтак весело плескался в полынье. Чайки кричали над палаткой. Жизнь! Жизнь всюду. Ширшов был счастлив, утвердив это.

Научные открытия героической четверки неоценимы. Их подвиг достоин восхищения.

И страна высоко оценила подвиг мужественной четверки. Она избрала „все население“ Северного полюса депутатами в Верховный Совет.

Ширшова послали в Верховный Совет земляки-днепропетровцы. По улицам Днепропетровска бегали ребятишки и агитировали:

Все большие, детвора,
Голосуйте за Петра,
За Петра Петровича,
За Ширша Ширшовича[1].

А Ширшов? Кандидат в депутаты Верховного Совета в этот день, 12 декабря, стоял на своем посту у гидрологической лебедки. Будущий депутат долбил ломом лед, травил трос, брал пробы. Он знал, что только трудом можно оправдать доверие народа.

Пятого июля 1937 г. самая северная в мире партийная группа большевиков на дрейфующей льдине приняла в сочувствующие советского ученого, гидробиолога, трижды орденоносца Петра Петровича Ширшова. Его приняли единогласно,—он заслужил полное доверие партии.

Он стоял взволнованный среди своих товарищей, и, вероятно, вся его жизнь прошла перед ним в эти минуты—от маленького домика на юге до одинокой дрейфующей льдины.

[1] Цитируем по фельетону бр. Тур в «Известиях».

а севере. Чудесная жизнь! Он мог сказать это с полным
равом.

Он *правильно* жил. И рассказ о его жизни есть рассказ
нашей родине, рассказ о том, как воспитывает наша пар-
ия героев, как расцветают у нас таланты. Это также рас-
каз о человеке, у которого крепкая воля, смелая мечта и
ветлая голова.

Девять месяцев продолжался подвиг папанинцев. Их под-
игом были их простые, рабочие будни, наполненные под-
линно большевистской работой.

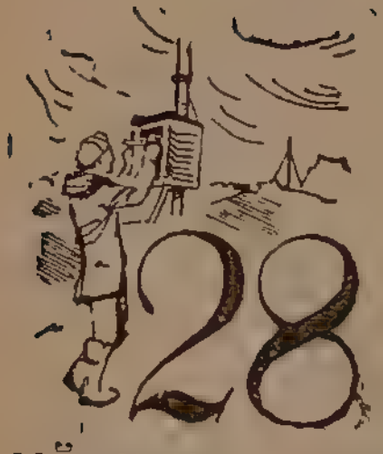
Они работали спокойно, весело, никогда не дрейфя, не уда-
ляясь в панику. Они были спокойны и тогда, когда бешеным
напором льдов сжимало их утлую льдину, и тогда, когда
той непрочной льдины не стало, а остался обломок. Они
были спокойны и подшучивали друг над другом и тогда,
огда из „комфортабельного жилого дома" пришлось пере-
раться в шелковую палатку, а потом из нее—в домик, сло-
енный из снежных кирпичей,—они были спокойны и спо-
йно работали, потому что за ними стояла великая страна.

И когда они работали, и когда отдыхали, и когда боро-
лись со стихией, их неизменно воодушевляло великое имя
Сталина. В дни праздников первый тост они поднимали за
его. В дни катастрофических сжатий льдины они думали о
ем и черпали в этом новые силы для борьбы и спокойствия.
Они знали: за их работой следит Сталин. Они старались ра-
отать по-сталински.

От того-то слово „папанинцы" стало означать у нас выс-
шее проявление героизма советских людей. Папанинцы—это
езза ветное служение родине. Папанинцы—это мужество, хра-
рость, преданность партии Ленина—Сталина. Папанинцы—
то *героизм коллектива,* это дружная, сплоченная, вдохно-
енная работа коллектива советских людей, в каких бы усло-
иях они ни находились.

БОРИС ЛЕВИН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ФЕДОРОВ



28 мая 1937 года в Ленинграде в отделе зап
сей актов гражданского состояния зарегистрирован новор
жденный мальчик. В графе о профессии и местонахожден
его отца сказано: магнитолог-астроном, работает на Севе
ном полюсе. Через несколько дней отец новорожденного Ев
ний Федоров сообщил по радио: „Безжизненность полю
опровергнута. Слышали щебетание пупочек, вчера воочи
видели чистика".

Самый молодой из участников экспедиции на дрейфующ
льдине—Евгений Федоров. Ему 27 лет. В 1927 году Евген
окончил девятилетку. Мечтал стать инженером. Инженеро
электриком, инженером-строителем, инженером-путейцем. В
это очень интересно. Все это очень увлекательно. Же
подает заявление о приеме его сразу в четыре высших учеб
ных заведения. Везде он держит экзамены, и везде неудачн
Но это не особенно огорчает семнадцатилетнего юношу. „В
равно я буду инженером",—говорит он упрямо. А пока и
учает английский язык, рисует портреты, занимается ради
техникой, спортом—лыжами, плаваньем. Все это также оче
увлекательно. Через год Евгений поступил в Ленинградск
университет на физико-математический факультет и выбр
своей специальностью геофизику, а впоследствии—земной ма
нетизм. Почему он выбрал именно эту специальность? Безум
хотелось участвовать в дальних экспедициях, зимовать
дном севере. Ездить, двигаться, путешествовать...

Сразу же по окончании университета он отправляется в рктику. Это было в 1932/33 полярном году. В это время он стретился с Иваном Дмитриевичем Папаниным, зимовал на емле Франца-Иосифа и на зимовке вступил в комсомол.

Знаменитый год!

И самое важное из этого года—вступление в комсомол. Я сразу почувствовал себя взрослей—более ответственным в то же время более уверенным",—вспоминает об этом ремени Женя.

На Земле Франца-Иосифа Федоров обслуживал магнитную бсерваторию, кроме того он взял на себя магнитную съемку.

В полярную ноябрьскую ночь Папанин, Евгений и промышенник Кунашев пошли на близлежащую станцию Кетлиц. Папанин и Федоров впервые очутились на зимовке. Им отелось испробовать снаряжение и приобрести первый экседиционный опыт. Попутно они собирались сделать магнитое определение на острове Кетлиц. Шли пешком. Весь груз ащили на себе, на нарте. Иван Дмитриевич тянул нарту, Федоров и промышленник подталкивали сзади. Двадцать пять илометров до острова шли трое суток. Мешали штормы, урга. Долгие часы приходилось отсиживаться в палатках. огда пурга ослабевала, продолжали путь, ориентируясь по омпасу.

На острове Кетлиц начали наблюдения. Забрались в паатку, поставили инструмент. Ночь ясная, лунная. Вдруг Евгений почувствовал, что кто-то роется около палатки. Выезает наружу и видит: стоит медведь и обнюхивает заднюю тенку палатки, как раз над головой Ивана Дмитриевича. Из рех шагапов работал один—в остальных смазка замерзла.

— Что там за шум?—спрашивает из палатки Папанин.

— Медведь,—отвечает Федоров.

— Где медведь? Шутишь!

— Над твоей головой.

Папанин и Кунашев выскочили из палатки. Промышленик выстрелил в медведя, но промахнулся. Медведь удрал. тогда Папанин, Федоров и промышленник Кунашев при лунном свете, по ровному льду бросились догонять медведя.

— Держи его! Держи!—кричали они, словно от них удирал е медведь, а карманный воришка.

Обратный путь на Землю Франца-Иосифа был очень тякелый. В этом походе Папанин и Федоров получили первую полярную закалку.

Весной начались большие походы. Евгений принимал в них самое деятельное участие. Ему предстояло пройти по

архипелагу Земли Франца-Иосифа до самой северной его точки и выйти на остров Рудольфа, где находилась самая маленькая зимовка, в которой жили четыре человека. Федоров и Кунашев с двумя нартами и хорошей упряжкой собак начали обход архипелага с восточной стороны. Точной карты архипелага до сих пор не существует; приходилось выполнять топографическую съемку: наносить на карту вновь открываемые мысы, заливы, острова. Встречались и медведи. Евгений их фотографировал. Это делалось так: Кунашев, прекрасный стрелок, подходил на 10—15 метров к окруженному собаками медведю и брал его на мушку, а в эту минуту Федоров направлял на медведя фотоаппарат.

— Спокойно, снимаю!—говорил Женя улыбаясь и щелкал аппаратом.

Самое тяжелое в пути—это когда попадаются большие поля торосистого льда. Как ни стараешься отыскать проход среди этого беспорядочного нагромождения льда, в конце концов залезаешь в какой-то тупик, из которого нужно либо вытаскивать груз по частям, либо прорубать топором лазейку для нарт. Зато по ровному ледяному полю одно удовольствие мчаться на собаках. И особенно в солнечный день, когда нерпа вылезает на поверхность льда, тюлень лежит у отдушины и греется на солнышке. Собаки, завидя издали добычу, мчатся во весь дух. Не удержишь! Тюлень все ближе и ближе, и когда уже осталось до него каких-нибудь 30—20 метров, когда уже вот-вот можно вонзить в его бархатистую кожу зубы, он—кувырком в отдушину и исчезает под льдом. Собакам это страшно не нравится. Вся упряжка с громким лаем сбивается над лункой, куда исчез лакомый кусочек. Евгений старался выбирать тюленя по курсу и наслаждался быстрой ездой—без этой приманки никакой силой не заставишь собак так бежать.

Самым тяжелым переходом за время этой экспедиции был переход через бухту Аук, отделявшую путешественников от полярной станции Рудольфа. Торосы совершенно загромоздили бухту. Федоров и Кунашев выбились из сил. Видны мачты рудольфовской радиостанции, а добраться до станции невозможно. Всю ночь они сражались с торосами и только на рассвете достигли цели.

Винтовочными выстрелами они оповестили о своем прибытии. Все рудольфовское население (4 человека) выбежало им навстречу, радостно встречало гостей.

Погостить пришлось очень долго. По плану надо было соединиться с рудольфовцами и продолжать экспедицию в

северо-восточную часть архипелага—на острова Белой Земли. Там еще никто не бывал. Эти острова были замечены Нансеном под конец его знаменитого путешествия в 1895/96 году. Рудольфовцы не имели хорошего снаряжения, необходимого для этой экспедиции. Требовалось изготовить палатки, спальные мешки. Дело это затянулось. Ранняя весна 1933 года разрушила лед между Рудольфом и Белой Землей и сделала переход без плавучих средств опасным. Вынужденное безделье раздражало Федорова. Он предлагал убить моржа, из шкуры его сделать байдарку и продолжать намеченный поход. Кунашев, который был гораздо опытней в этих делах, категорически возражал. Евгения это раздражало. Ему казалось, что Кунашев обленился. Впоследствии, когда у Федорова накопилось больше опыта, он понял, что такой поход был бы неоправданным риском.

На Рудольфе Евгений пробыл четыре месяца. Пришел в гости на два-три дня, а пробыл все лето. Он там не сидел без дела. Повторил магнитные и астрономические определения, облазил весь Рудольф в поисках магнитных аномалий.

Зимовку, в том числе и Евгения Федорова, сняло промысловое судно „Смольный".

„Смольный" доставил Евгения на остров Гукер, а оттуда через месяц он вернулся в Ленинград. Его назначили руководителем группы по обработке всех материалов по земному магнетизму. Это была ответственная работа, но он справился с ней блестяще.

Виднейший ученый-полярник В. Ю. Визе в своей книге по истории исследования советской Арктики с большим уважением отзывается об исследовательской работе молодого ученого Евгения Федорова.

Весной 1934 года Папанина назначили начальником зимовки на мысе Челюскин. Иван Дмитриевич предложил Федорову поехать вместе с ним. Он охотно согласился. Поехал с женой. На мысе Челюскин намечалось большое строительство—хозяйственное и научное. Федорову поручено было организовать магнитный павильон, установить приборы, наладить запись. Жена работала помощником.

Первые месяцы пребывания на мысе были сплошной строительной горячкой. Надо было построить жилищное здание, павильон для научных работ, радиостанцию, склады. Евгений совместно с женой утеплял стены, конопатил пол, делал проводку.

К научной работе приступили в ноябре. Это время совпало с началом полярной ночи. Полярная ночь страшна для без-

дельников. Если люди заняты, увлечены работой, то им ничто не страшно. Ни Федорову, ни его жене, впервые попавшей на зимовку, некогда было хандрить. Они слишком были заняты работой. Евгений с удовольствием наблюдал, как жена его с наганом в кармане ночью бегала в магнитный павильон за 300 метров, не опасаясь ни медведей, ни пурги, ни прочих неприятностей. Помимо обслуживания магнитного павильона Федоровы вели также наблюдение над полярным сиянием.

Полярное сияние вспыхивает неожиданно, начинает светить всеми красками, разгорается в цветовую бурю, а затем так же неожиданно, как вспыхнуло, гаснет. Евгению и его жене некогда было любоваться изумрудами полярного сияния. Ежеминутно приходилось регистрировать направление сияния, силу яркости. То и дело жена вбегала с холода в комнату и не раздеваясь кричала: „Норд-ост 30... Интенсивность 2... Записал?.. Постепенно угасает... Отметил?“

Для того чтобы лучше наблюдать сияние, надо было лезть на крышу, спускаться вниз и снова лезть на крышу. И все это в сильнейший мороз.

В начале весны Евгений собрался в экспедицию до бухты Мод. Эта бухта знаменита тем, что в 1918—1919 годах там был Амундсен. Будучи по специальности магнитологом, Амундсен вел магнитные наблюдения во время всех экспедиций. Для того чтобы лучше и полнее изучить земной магнетизм, необходимо повторять магнитные наблюдения в тех пунктах, где они были раньше. Поэтому Федоров и пошел в бухту Мод, чтобы проверить наблюдение Амундсена. Вместе с ним пошел и столяр станции Федор Никифорович. Вышли на двух нартах с двумя упряжками. С одной упряжкой шли приборы, с другой—продовольствие и горючее. В первый день прошли всего лишь километров двадцать. Помешал медведь. Приблизительно на восемнадцатом километре от станции встретили медведицу с двумя медвежатами. Решили поохотиться—на станции иссякал запас свежего мяса. Спустили с упряжки трех наименее ценных собак (если зверь порвет—не жалко) и вслед за ними побежали к медведю. Эта часть охоты—наиболее трудная: приходится бежать в тяжелой одежде, с винтовкой. Евгений и столяр выстрелили и убили медведицу и одного медвежонка. Второй медвежонок забрался на труп матери и захныкал. Жене стало жалко медвежонка. Но что поделаешь... Ободрав медведицу, зарыли шкуру и мясо глубоко в снег, поставили опознавательный знак и поехали дальше.

На следующий день они достигли избушки Амундсена. С трепетом Евгений открыл засыпанную снегом дверь. В избушке сохранилась большая часть обстановки, которая была при жизни норвежцев. На столе лежит визитная карточка: „Тессем—плотник, работавший для многих полярных экспедиций". Рядом с карточкой—небольшая керосиновая лампочка с сохранившимся керосином, немного далее—плотничьи инструменты. У стен избушки две койки...

Федоров, еще будучи в Ленинграде, знал, что Амундсен в бухте Мод сделал магнитные определения в четырех пунктах. Основной пункт—где-то недалеко от избушки, второй—на острове Лаквуда, третий—на острове Фрам и четвертый—тоже где-то около избушки.

Закончив наблюдения, Евгений вернулся домой, на станцию. Но недолго там пришлось отдыхать. Предстояла новая экспедиция на остров Старокадомского.

Поход на остров Старокадомского и в бухту Мод—это все были репетиции для предстоящих более сложных и долгих путешествий.

Во второй половине апреля Евгений вышел на юго-запад по берегу Таймырского полуострова к заливу Дика. Помимо выполнения текущей работы нужно было забросить в залив Дика некоторое количество продовольствия. Первую часть пути он проделал совместно с гидрологической партией. Идя вдоль берега, Федоров совместно со своими товарищами вел съемку береговой линии и везде, где можно было, делал магнитные наблюдения.

Распрощавшись с гидрологической партией, Евгений Константинович направился в западную часть побережья Таймырского полуострова. На этот раз его спутником был столяр Болдин. Саша Болдин (веселейший человек в мире, на каждый случай жизни у него припасен анекдот) давно работал на стройках в Арктике.

Морозы в это время года ослабевают, средняя температура 20—25 градусов ниже нуля. Можно брать пищу голыми руками и не особенно торопиться лезть в мешок.

На пятые сутки Федоров и Болдин достигли мыса Могильного. Они искали знак, поставленный экспедицией Вилькицкого во время зимовки судов „Таймыр" и „Вайгач" в заливе Дика. Их также интересовало—сохранились ли мясные консервы в продовольственном складе, организованном экспедицией в 1913—1915 годах. В первый день поиски не дали никаких результатов—поднялась пурга, собаки, утомленные встречным ветром, ложились и отказывались итти.

К утру пурга стихла. Знаки, поставленные на мысе, хорошо видны с моря и плохо различимы, когда идешь вдоль берега. Наконец, после долгих часов безуспешных плутаний Евгений первый увидел знак: на верхушке мыса торчала вышка из углового железа. Возле вышки стояли два креста—здесь были похоронены двое из участников экспедиции Вилькицкого. Евгений и Саша приблизились к могиле и в торжественном молчании отдали последний долг отважным русским людям, умершим далеко от родины.

Знак Вилькицкого был потрепан, кресты, обнесенные оградой из чугунных цепей, стояли крепко. На первом кресте можно было прочесть надпись: „Кочегар Ладопычев". На другом кресте была прибита медная доска с выгравированными стихами:

Под глыбой ледяной холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,—
Нашел покой измученный певец.
Не кипет золотом луч утренней Авроры
На музу чуткую уснувшего певца...
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.

По другую сторону мыса, внизу в овраге, стоял, несколько накренившись, огромный ящик самолета старого типа. Огромный по размерам, с прорубленными окнами и дверью, он скорее напоминал дом. Внутри его лежали сложенные в большом количестве мясные консервы. Стены ящика-дома сплошь исписаны. Кто бы после Вилькицкого ни побывал в этом месте, считал своим долгом оставить след в литературной форме. Попадались забавные нескладные стишки:

Здесь задержала буря нас злая,
И пришлось нам ночевать...
Ветер бушует по бурному морю,
На «Таймыр» не можем мы попасть.

И такие надписи:

„Здесь мы убили медведя, песца и зайца".

„Здесь летчик Линдель и начальник первой Ленской экспедиции Лавров создали базу горючего для расширения радиуса действия самолета „У-2".

И действительно, неподалеку Евгений и Саша обнаружили несколько бидонов с бензином.

Саша и Женя с удовольствием отметили, что консервов хватит с избытком. Они тут же вскрыли консервы с эти-

еткой: „Фирма братьев Вихаревых в Санкт-Петербурге“, дали попробовать собакам.

Собаки остались довольны фирмой братьев Вихаревых.

Гафнер-фиорд был расположен приблизительно в тридцати километрах от мыса Могильного по прямой линии. Вход, судя по карте, узкий, за ним следует длинный фиорд. В тот день путешественники не успели дойти до входа в фиорд и заночевали на одном из мысов залива Дик. Назавтра они с большим трудом нашли вход в фиорд. Он открылся совершенно неожиданно. На пологом, ничем не привлекательном берегу точно ножом прорезана узкая щель шириной в 200—300 метров. В глубине щели видна обширная дорога в глубь фиорда.

Несмотря на то, что фиорд выходит в море горлом всего в 200—300 метров ширины, он тянется в глубь материка на 45 километров! „Какая здесь замечательная бухта для зимовки судов!—подумал Евгений.—Летом нужно будет обязательно промерить входы в фиорд и самый фиорд, чтобы установить, подходящая ли там глубина“. Сейчас, увы, он этого сделать не мог. Дойдя до конца фиорда, они заночевали. Утром, оставив крупу, шоколад, какао, молоко, а также ящик консервов, они собрались в путь.

Все эти продукты они оставили на случай длительной экспедиции летом. Продукты тщательно уложили в фанерный ящик, поверх него поставили два бидона с керосином, завязали проволокой и завалили комьями мерзлой земли.

Перед самым уходом Федорова поразила приятная неожиданность. Наверху мыса, на поверхности, оттаявшей под лучами апрельского солнца, рос куст карликовой ивы. „Это замечательно!“ Женя и не предполагал, что так далеко на севере можно найти древесную растительность.

Обратно Федоров и Болдин шли налегке. Им хотелось обязательно поспеть на первомайский банкет зимовщиков. До станции оставалось 150 километров. Вместо того чтобы итти берегом, по знакомой дороге, Евгений решил итти тундрой; кстати это даст и большой материал для магнитной карты района.

Саша первничал. Хотя он и доверял Жене в прокладке путей, но все же побаивался, как бы не заблудиться в тундре.

— Берегом хоть дальше, но зато верней,—говорил он.

— Ничего, ничего!—успокаивал его Евгений.—Не беспокойся. Шагай веселей!

Чтобы достичь станции к 1 мая, они установили норму:

сорок километров в день. Собаки шли налегке. Впереди на лыжах Федоров, а сзади Болдин.

В первый переход они перекрыли дневную норму: прошли сорок три километра.

Пройдя двадцать километров, они останавливались, съедали по плитке шоколада и вновь шагали. После вторых двадцати километров они останавливались на почевку. Раскладывали палатку, кормили собак, приготовляли пищу, ужинали, а затем залезали в мешки. Какое это блаженство—улечься в мешке, распрямить спину, ноги!

Третий переход должен был привести их на станцию. Карты в этом районе сомнительные, примет для ориентировки очень мало: тундра однообразна. Шли по компасу и счетчику.

30 апреля они остановились, по их расчетам, в тридцати километрах от станции.

Завтра дома!

Но вдруг поднялась пурга. Подул свирепый ветер, снег засыпал глаза. Итти или нет? Погода такая, при которой рискованно пускаться в путь. Но обидно 1 мая сидеть в 30 километрах от станции и скучать в одиночестве.

— Пойдем, Саша?

— Обязательно!

И они двинулись. Кругом ничего не видно.

Компас не обманул. Он привел точно на зимовку. Вот уже показались мачты станции. Слышен собачий лай.

Навстречу выбежали товарищи. Они обнимают, поздравляют путешественников с первомайским праздником.

Последняя экспедиция была самая серьезная. Предстояло пробраться к реке Таймыр, к Таймырскому озеру. Вместе с Федоровым в качестве его помощника шел Виктор Сторожко, комсомолец, студент-геолог Ленинградского университета.

В середине мая уже тепло. Дорога портится в несколько дней. Федоров и Сторожко спешили добраться до реки, где снег на льду держится дольше. Они вышли на Гафнер-фиорд. Местность здесь гораздо красивее, чем на Челюскине. Попадаются горы, небольшие речки, протекающие между крутыми склонами. Много песцов. Летают стайками белые куропатки. У Гафнер-фиорда Федоров и Сторожко впервые увидели стадо диких оленей. Олени поразили их своей красотой. Евгению и Виктору казалось, что они танцуют на льду. Собаки, почуяв оленей, подняли неимоверный лай. Но то ли потому, что дул ветер, то ли потому, что олени были не из пугливых, они не убежали. Виктор выхватил из

нарты карабин и пополз к оленям. Евгений же бросился в самую гущу собак; сдавливая им горло и раздавая тумаки, заставил их замолчать. Когда Виктор показался из-за холма, стадо сорвалось и побежало. Сторожко сделал несколько выстрелов, одним из них свалил самку. Пока ее волокли к нартам, из нее клочьями лезла шерсть. Олени в это время линяли. Погрузив убитого оленя, молодые ученые пересекли фиорд и вышли к месту, где находился склад. Евгений проверил магнитные приборы и произвел нужные ему наблюдения. Магнитное поле на Таймырском полуострове оказалось гораздо спокойнее, чем можно было ожидать. По данным Норденшельда, на Таймырском полуострове предполагалась сильная магнитная аномалия. На деле этого не оказалось.

Предстоял 60-километровый переход по реке Таймыр. Местность здесь сильно пересеченная: маленькие овраги, постоянные спуски, подъемы. Собакам трудно поднимать нарты по крутому склону. Приходилось кричать на собак, изо всех сил подталкивать нарты сзади. Не менее трудно спустить нарты вниз. Оборачивали полозья кнутами, упирались колом в снег, но на крутых спусках и это не давало должных результатов: нарты переворачивались, собаки кидались друг на друга. Евгений и Виктор от усталости, от огорчения начинали ссориться, а затем, глянув друг на друга, внезапно громко и весело смеялись и вновь брались за нарты. Евгений прекрасный товарищ. Когда он в экспедиции по Таймыру простудился, сколько забот проявили друзья его во время болезни! Болезнь дала осложнение, у него распух рот, он мог есть только бульон. Друзья стреляли мелких диких уток, варили ему этот бульон и кормили его с ложечки.

Осенью 1935 года Федоров вернулся в Ленинград. Он отдыхал на курорте, когда случайно прочел в „Комсомольской правде“ высказывание О. Ю. Шмидта о предстоящей экспедиции к Северному полюсу. Когда он приехал в Ленинград и узнал, что Папанин включил его в эту экспедицию, Евгений запрыгал от радости.

Иван Дмитриевич Папанин говорит о Федорове: „Это замечательный, талантливый молодой ученый. С ним можно делать любое дело в Арктике. Он не подведет!“

Евгений Константинович немедленно начал готовиться к предстоящей экспедиции. Он думал, что все зимовки, все походы, в которых ему приходилось участвовать до сих пор,—это лишь репетиция к неведомой большой работе. И вот эта неведомая работа получила реальное оформле-

ние—станция „Северный полюс“! Сбылось то, о чем раньше не смел и мечтать.

Экспедиция требовала особого снаряжения, особых приборов. Каждая деталь должна была быть максимально легкой, занимать как можно меньше места, работать безотказно, и в то же время быть универсальной, т. е. годиться для разных надобностей. За изготовлением научной аппаратуры следили Федоров и Ширшов. Помимо этого на долю молодых ученых выпал и ряд снабженческих поручений. Требовались чрезвычайно легкие и в то же время достаточно выносливые нарты. Евгений вместе со своим другом обошли все отделы этнографического русского музея. Они осмотрели чукотские нарты, долганские, корятские. Целиком ни одни нарты не удовлетворяли, можно было воспользоваться отдельными частями. По проекту Федорова и Ширшова нарты изготовил ленинградский завод им. Каракозова. Они были сделаны из ясеня и березы и весили 20 килограммов. Парты можно было быстро и просто связывать, выдерживали они до 300 килограммов груза.

Немало хлопот доставило и изготовление надлежащей кухни. Нужна была керосиновая печка, которая могла бы работать и на бензине, была бы вполне безопасна и не требовала частой заливки горючего.

Для измерения магнитной вариации были заново сконструированы портативные магнитные вариометры. Метеорологические приборы—термограф (аппарат, записывающий температуру воздуха), барограф (прибор, записывающий давление) были сделаны гораздо меньших размеров, чем обычно. Здесь было предусмотрено и еще одно усовершенствование. Обычные приборы требуют смены ленты, на которой производится запись, тут же около будки, на холоде. На новых приборах сделали два съемных механизма и, таким образом, заряжать их новой лентой можно в жилой палатке, в тепле и уже потом ставить на прибор.

Вся аппаратура и все снаряжение экспедиции были заранее испытаны во время „полюсной тренировки“. В чистом поле под Москвой поставили палатку, радиостанцию, ветряной двигатель. Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов надели меховые рубашки и штаны и в течение шести дней жили в палатке, „как на полюсе“, питаясь продуктами, предназначенными для экспедиции.

Когда все было проверено и сборы были закончены, Евгений Федоров съездил в Горький к отцу и матери. Женя—их единственный сын. Мать, Сабина Акимовна, работает

на фабрике „Швейпром“. Отец—участник японской и империалистической войн, в годы гражданской войны—командир Красной Армии. Сейчас ему 57 лет, но чувствует он себя настолько крепким, что готов в любую минуту взяться за винтовку, если понадобится. Женя привез родителей в Москву, заботился о них, познакомил с товарищами, водил в театр, делился с ними своими планами и всячески успокаивал.

— Вам нечего тревожиться,—говорил он им,—в нашей стране зимовщики могут смело итти на полюс—их не дадут в обиду! О нас заботится товарищ Сталин.

Настал день, и Евгений Константинович вместе со своими друзьями полетел на Северный полюс.

К сообщениям с дрейфующей станции „Северный полюс“ прислушивался весь мир. И не было на земном шаре ни одной лаборатории, которая бы жадно не отмечала все записи и наблюдения, добытые неутомимым ученым, комсомольцем Евгением Федоровым.

Как жилось Евгению на дрейфующей льдине? Вот некоторые записи из его дневника, успевшие уже появиться в нашей печати:

„Вчерашний день был очень богат событиями. Пурга слепила. Хорошо, что лед вел себя в это время спокойно и мы свое внимание могли обратить на борьбу с ветром. А борьба эта была нешуточной. Пурга упорно стремилась лишить нас крова. Тонкий шелк спальной палатки вдавливался внутрь большим пузырем и лихорадочно трепетал. Более прочная парусиновая палатка радиостанции тоже ходила ходуном. Надутые воздухом пухлые клинерботы временами подпрыгивали на льду, они, наверное, улетели бы далеко от нас, если бы мы заранее не привязали их крепко-накрепко к кольям, вбитым в снег.

В час ночи я передал дежурство Ивану Дмитриевичу и, забившись в спальный мешок, крепко заснул, несмотря на вой бури. Около девяти часов утра я проснулся. Разбудил заглушенный голос Эрнста:

— Ребята, выходите кто-нибудь!..

Казалось, ветер в эту минуту достиг максимума, который только возможен. Он бешено рвал полотно палатки. Первым выскочил Иван Дмитриевич. Он спал в малице, не разуваясь. Я вытолкнул свою малицу через входное отверстие, потом вылез сам и, с трудом удерживая малицу в руках, надевал ее через голову. Бешеный снежный вихрь хлестал в лицо. Эрнст копошился у электростанции. Оказывается, сломались

крепления палатки. Мы вдвоем с Иваном Дмитриевичем изо всех сил держали хлопающую и вырывающуюся из рук парусину, пока забравшийся внутрь Эрнст не сложил свое оборудование. Когда он вылез, мы выдернули последние крепления, и палатка перестала существовать. На края трепетавшей парусины мы навалили тяжелые баулы, тюки, ящики, чтобы снег не засыпал радиостанцию.

До рассвета было еще много времени. Петя Ширшов, обойдя нашу льдину, заявил, что новых трещин и торосов пока нет. Он остался дежурить до рассвета. Иван Дмитриевич и Эрнст пошли отдохнуть в старое жилье. Я попробовал заснуть в шелковой палатке, скорчившись в своей малице, но это плохо удавалось: снег, насыпавшийся в малицу, растаял. Сидеть без движения было холодно. Отчаявшись заснуть, я принялся за починку одежды.

С рассветом, как всегда, стало веселее. Ветер как будто шел на убыль, и мы принялись подсчитывать убытки. Радиопалатка была сломана. Сквозь разорванный пургой бок спальной палатки снег уже сыпался на мешки. Видно было, что она не продержится до вечера. Нарта, нагруженная одеждой, валялась, перевернутая на бок. Все остальное было в порядке. Решили тут же строить снежный домик, хотя ветер не утихал. Сегодня мы должны переселиться в этот дом...

Около 15 часов мы приступили к работе. С чего начать строительство? Мы начертили на снегу план будущего дома и тут же принялись осуществлять этот план. Прежде всего вырыли углубление шириною в $2\frac{1}{2}$ и длиною в 5 метров. Часть будущего помещения отводилась под „спальню“. Это была лежанка, сделанная из снега, во всю ширину дома и длиною в 3 метра. Остальная часть отводилась под пол и стол, тоже сделанные из снега.

Стены нашего дома мы возводили из правильно обтесанных кусков снега, заменявших кирпичи. Когда стены были уложены, мы положили сверху шесты, палки и покрыли их куском парусины,—это был потолок. Входное отверстие закрывалось куском перкаля. Вот и все нехитрое устройство нашего снежного дома.

К 21 часу строительство было закончено. Погода нам благоприятствовала. Ветер почти утих. После пережитых треволнений наш снежный домик казался нам удобным и необычайно просторным дворцом.

Около 22 часа мы поужинали, не переставая восхищаться своим домом. Пора было спать. Но я вышел „во двор“, чтобы взять высоту луны и определить наши координаты.

Проделав необходимые наблюдения, я стоял у двери нашего домика и оглядывал окрестности.

Было тихо. В этот вечер мы впервые ясно увидели на западе берега Гренландии. Синеватые горы причудливой вереницей тянулись вдоль горизонта. Сквозь тонкие облака просвечивала луна. Но звезд не было видно. Лунный свет озарял искрящиеся торосы, окружавшие наш крохотный обломок льда..."

В самые тяжелые дни дрейфа, когда в кромешной тьме завывала пурга, свистел ветер и лед трещал под ногами, Евгений Федоров и его друзья не беспокоились о своей жизни. Они прекрасно знали, что партия и правительство, пославшие их на Северный полюс, не дадут их в обиду. Вся четверка чувствовала себя бодро и уверенно, зная, что за их спиной стоит великая страна, руководимая великим вождем товарищем Сталиным.

СОДЕРЖАНИЕ

Всеволод Вишневский

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНИН 3

Борис Галин

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЭРНСТ ТЕОДОРОВИЧ КРЕНКЕЛЬ 18

Борис Горбатов

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШИРШОВ 37

Борис Левин

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ФЕДОРОВ 54

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
№

Редактор Н. Егорьева
Художественный редактор Н. Седельников
Технический редактор В. Брюхачев
Ответственный корректор А. Михельс

Сдано в набор 19/III—38 г. Подписано к печати 13/IV—38 г. Уполн. Главлита № Б—32495.
Политиздат № 141. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. 4$^{1}/_{4}$ п. л. (39 600 зн. в 1 п. л.). Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2103. *Цена 60 коп.*

Фабрика книги «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

60 коп. 71 р.

150